

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**Серия
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА
И ИСКУССТВО**

№ 1 (1), 2020

ISSN 2412-8953

9

772412

895307

**Нижний
Новгород**

<https://scipress.ru/fai/>

УДК 8: 93/94+008+7

ББК 80/83: 63+71+85

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер: История, культура и искусство. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2020. №01 (01). 56 с.

Серия журнала представляет оригинальные статьи, обзоры, статьи теоретического характера, короткие заметки и рецензии по актуальным проблемам отечественной и всеобщей истории, культурного наследия и искусствоведения в широком методологическом, географическом и временном диапазоне.

Данный спецвыпуск адресован историкам, культурологам, искусствоведам, а также филологам, философам, социологам, психологам.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8: 93/94+008+7

ББК 80/833: 63+71+85

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2020

© Коллектив авторов, 2020

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Бенъюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебно-методической работе, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Филинкова Александра Николаевна – кандидат искусствоведения, член Союза художников РФ, член Международной ассоциации искусствоведов (АИС), заместитель директора музейно-выставочного комплекса Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, РФ

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Андроненко И.Ф. Динамика политической роли института монархии в Испании.....	6
Назаренко А.И. Неожиданный результат пандемии: изменение в дихотомии «Север – Юг» в медийном дискурсе Италии	17
Petrukhina M.A. American Mythmaking: Tales, Myths and Legends	28
Семенова Е.Н. Содержание категории «справедливость» как отражение культурно-цивилизационных особенностей западного и русского миров.....	35
Цапина Е.А. Проблемы этнокультурного национализма в Королевстве Испания.....	43
Шевченко А.П. О движении BLACK LIVES MATTER и восстановлении «лингвистической справедливости»	51

УДК 930.85:32-027.21

Динамика политической роли института монархии в Испании

Андроненко Ирина Федоровна

Старший преподаватель кафедры романских языков
Дипломатическая академия МИД РФ, РФ, г.Москва
DAConfa@mail.ru

Dynamics of political role of the monarchy institute in Spain

Andronenko Irina Fyodorovna

Senior lecturer of the Romanic chair
Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry, Russia, Moscow

Аннотация. Основное внимание в данной статье уделяется тому, как исторически сменялась роль института монархии в государственном управлении и общественном сознании народных масс. Рассматривается динамика политических полномочий испанских королей периодов абсолютной, конституционной и современной реставрированной монархии. Изучается проблема дихотомии «монархия-республика» в контексте испанского общественно-политического дискурса.

Ключевые слова: государственное управление; Королевство Испания; монархи; Испанская республика; испанская демократия; Франкистская Испания

Abstract. This article focuses reader's attention on how the monarchy institution's role in public administration and the public consciousness has historically changed. The article deals with the Spanish kings' political power dynamics during the periods of absolute, constitutional and modern restored monarchy. The problem of the "monarchy-republic" dichotomy is studied in the context of the Spanish socio-political discourse.

Keywords: public administration; the Kingdom of Spain; monarchy; the Spanish Republic; Spanish democracy; Francian Spain

Изучая вопрос современного института монархии в Королевстве Испания, невозможно пройти мимо анализа исторического содержания и роли самодержавия в контексте социально-политических условий существования государства Пиренейского полуострова.

Традиционно в испанском обществе сложилось такая ситуация, что исторически данный институт руководства жизнью государства не характеризовался банальной формой правления одной фамилии, как это наблюдалось в других европейских державах, а имел под собой глубокие этнокультурные социальные основания. Не представляется возможным отделить монархию Испании от исторически сложившихся в общественном сознании традиций и устоев, национальной культуры. Кристаллизовавшаяся на протяжении веков монархическая традиция достигла неразрывной связи с самим обозначением государства Пиренейского полуострова, приобретя во многом синонимичный характер со словом

«Испания».

В любой многонациональной стране, включающей большое количество народностей, характеризующихся своей самобытной культурой, наличием местного языка, а также, что не менее важно, собственной уникальной и независимой историей, существует серьёзная угроза обострения сепаратистских, националистических настроений, желанием отделиться от государства и проводить независимую ни от кого политику. Это связано в первую очередь с ростом национального самосознания народов, объединённых между собой единой, общей государственностью.

Не исключением является и Королевство Испания, объединяющая под своим началом достаточно крупные и самодостаточные в культурно-языковом и экономическом отношении народы, такие как кастильцы, каталонцы, баски и галисийцы и другие, что неотвратимо ведёт к социально-политическим конфликтам между региональной властью какой-либо нации и федеральным центром в лице Мадрида. Подобного рода конфликты, борьба за большую политическую автономию отдельных регионов от Мадрида дополняются и тем, что экономическое развитие некоторых становится колоссальным в сравнении не только с другими областями, но и федеральным центром. Так, доля Каталонии со столицей в Барселоне в Валовом Внутреннем Продукте (экономический показатель стоимости всех произведённых товаров и услуг, кратко – ВВП) составляет более 20%, а доля в общем показателе торговли с другими странами составляет порядка 26%. В то же время, на одного жителя Каталонии приходится около 30 000 евро от общего ВВП провинции, в то время как общий показатель ВВП на душу населения всего Королевства Испания составляет лишь 24 000 евро. Данное экономическое превосходство лишь укрепляет в умах каталонцев идеи о необходимости большей политической и экономической автономии, а, наложившись на этно-культурную самобытность и историческую память независимости, данные устремления приобретают взрывоопасный характер. Так, последним актом неповиновения региона центральной власти является проведение в Каталонии референдума о выходе региона из состава Испании, признанного федеральным центром незаконным. Вследствие возникновения прямой угрозы распада государства в критический момент король Филипп VI выступил с официальным заявлением ко всем народам Испании, осудив действия региональных властей: «Они приняли решения, которые нарушали правила, показывая нелояльность по отношению к руководству страны, которую они представляют в Каталонии. Они поставили под сомнение гармонию и сосуществование в каталонском обществе. Эти власти оказались за рамками закона и

демократии, пытаюсь сломить единство Испании и национальный суверенитет», продемонстрировав всем народам государства приверженность короны испанской конституции и многонациональному единству.

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что перед государственностью Испании, уже традиционным становится вопрос регулирования региональных конфликтов, вызванными условиями глубокой этнокультурной дифференциации на своей территории, что и определяет ту форму государственного устройства, наблюдаемую сегодня. Ответом испанской государственности на вышеописанные явления стало укрепление монархических традиций и их реставрация в 1975 году после смерти Франциско Франко и падение авторитарного режима, с 1947 года формально считавшимся монархией, в которой, правда, не было короля. В многонациональной стране, объединившей в себе многие народы с ярко выраженными региональными особенностями, монархия стала тем институтом, который цементировал общенациональное единство народов Испании, сохранял региональные морально-нравственные ценности и традиции, урегулировал этнокультурные конфликты.

Невероятным престижем со стороны народных масс пользовалась испанская монархия, как в эпоху правления Габсбургов, так и в период Бурбонов. Сменялись короли, сменялись исторические эпохи, отражающие мировые социально-политические и экономические изменения своего времени, а национальным девизом единства широких масс людей оставались слова «Бог, родина, король». Стоит заметить, что даже народные недовольства, социальные протесты против политики, проводимой аппаратом исполнительной власти (министерствами), проходили под лозунгами «Да здравствует король», что не просто отражало престиж короны, но демонстрировало ту высокую роль, отводящуюся королю в разрешении конфликтов между властью и народом. Испанцы незыблемо верили в справедливость и ориентированность короны на широкие народные массы [7].

Однако были в истории испанской государственности и периоды монархического кризиса. Нестабильность в первую очередь связана с периодом XIX – XX веков [4]. Идеи и лозунги Великой французской буржуазной революции, приведшей к упразднению института монархии в государстве франков и становлению республики, становление либеральной идеи, а также развитие политэкономической мысли Карла Маркса и Фридриха Энгельса, приведшей к формированию сильного рабочего движения, оказывали сильнейшее влияние подрывного характера не только на испанскую корону, но и институт монархии во всех странах в целом. Всё чаще

недовольство населения было направлено не столько к аппарату государственного управления в лице министров, сколько непосредственно к королю. Постепенно, наличие самой монархии стало приобретать характер дестабилизирующий общественный консенсус.

Непосредственно в Испании в дополнение к уже имеющимся факторам накладывались и такие негативные, дискредитирующие династию Бурбонов и корону в целом, явления как фаворитизм, коррупция и интриги при королевском дворе. Немаловажной составляющей подрыва авторитета короны стали и провалы во внешней политике, в частности, постепенная утрата некогда принадлежавших Испании колоний во всех частях света.

Для более глубокого понимания кризисных тенденций испанской монархии следует немного отойти в сторону и более подробно рассмотреть непосредственные политические полномочия королей в XIX-XX веках.

До начала XIX века власть короля являлась абсолютной. Кортесы, как региональные сословно-представительные органы находились под всеобъемлющим контролем короны. Первые изменения произошли в 1812 году и связаны с принятием первой Конституции Испании. Основным закон устанавливал уже ставшие классическими для современного государственного управления принципы исполнительной, законодательной и судебной власти. Монархия же меняла свой статус с абсолютной на конституционную. Организовывался парламент с верхней и нижней палатой Кортесов, осуществлявший законодательные функции. Полномочия монарха распространялись как на законодательную, так и на исполнительную власть. Наравне с Кортесами корона имела конституционное право законотворчества, а также непосредственно осуществлять исполнительные функции совместно с семьёю министрами. В соответствии с Конституцией Испании 1845 года монарх обретал полномочия на право вето в законодательных вопросах, а также роспуска парламента. В исполнительной власти короне разрешалось назначать и отстранять министров.

Возвращаясь к монархическому кризису, стоит заметить, что по Конституции 1845 года корона фактически имела неограниченные полномочия. С этого момента в Испании началось противоборство между республиканцами парламента, требовавшего равные с королем права, и монархией в лице королевы Изабеллы II, пытавшейся сохранить высокий статус короны, приведшего к так называемой Славной революции, свержению королевы в 1868 году и избранию новой Савойской династии в лице Амадея I, сына короля Италии, в 1870 году.

В первый раз институт монархии в Испании был упразднён в 1873 году.

Причиной тому послужило добровольное отречение от престола вышеупомянутого Амадея I. Официальной причиной такого решения считается усталость монарха от интриг при его дворе. Организованная Первая Испанская Республика просуществовала лишь один год (1873 – 1874 годы) и характеризовалась высокой степенью нестабильности и расколом как в парламенте Кортесов, так и внутри общества [5]. Этому свидетельствуют и три гражданские войны, произошедшие в течение года, по итогам которых в стране была реставрирована монархия и возвращена власть династии Бурбонов в лице сына изгнанной в 1868 году королевы Изабеллы II Альфонса XII.

С возвращением короны вышеописанные тенденции никуда не делись. Борьба между сторонниками Испании как республики и представителей монархического видения устройства государственности с каждым годом набирала всё новые обороты. Дополнительно, монархический кризис в Испании усложняло обострение сепаратистских настроений в регионе Каталония, жители которого требовали широких прав автономии. Король Испании Альфонс XIII был вынужден назначить на пост военного губернатора Барселоны военного Мигеля Примо де Ривера, с личностью которого связан государственный переворот, произошедший 1923 года с согласия короля, в результате которого были разогнаны парламент и правительство, а также установлена диктатура [3]. Продлившийся целых семь лет диктаторский режим Мигеля Примо де Ривера с молчаливого одобрения короля стал очередным спусковым крючком к новой революции 1931 года. Поводом тому послужили муниципальные выборы. И хотя на общенациональном уровне сторонники конституционной монархии одержали незначительную победу, в крупнейших городах Испании, таких как Мадрид, Барселона, Валенсия и других убедительная победа досталась республиканцам. После начавшихся столкновений Альфонс XIII покинул страну и отрёкся от престола. Таким образом, институт монархии в Испании был низвергнут уже во второй раз.

Вторая Испанская республика не только оказалась не в состоянии разрешить конфликт по линии «республика-монархия», но и ещё более усугубила его. За данным противоборством стоял глубинный раскол общества на два антагонистичных политических лагеря – левый, представленный коммунистами и социалистами, республиканцами, а также правый, включающий в себя монархистов, либералов и радикальных фашистов, выступающих за традиционное устройство общества по принципу элита – масса или же монарх – элита – масса.

Стоит заметить, что монархисты принимали активное участие в гражданской

войне 1936–1939 года в Испании против республиканского строя, поддерживая Франциско Франко. Надежды монархистов на вторую реставрацию Франкистским режимом короны не оправдались. Лишь в 1947 году, в результате поражений фашистов и нацистов во Второй мировой войне, после политического нажима монархистов с требованием восстановить традиционные институты испанской короны, было принято решение о провозглашении Испании королевством в соответствии с законом «О наследовании поста главы государства» [6].

Обсуждая данный период в истории монархического института Испании, довольно важным является тот факт, что была нарушена последовательность престолонаследия. Альфонсо XIII перед своей смертью завещал право престолонаследия своему сыну дону Хуану, графу Барселонскому (отец Хуана Карлоса I). В силу непринятия ценностей Франкистской Испании законный наследник испанского трона всячески отговаривал монархистов от сотрудничества с режимом Франко. В силу противоречий диктатор принял самоличное решение о невозможности занятия законным наследником престола. В то же время, в соответствии с законом, по которому была восстановлена монархия, только сам Франко имел право назначить короля, чего он делать совершенно не спешил. Исходя из этого, весь последующий период с 1947 года вплоть до смерти Франциско Франко в 1975 году принято называть «королевство без короля» [11]. В 1969 году диктатор, с согласия законного наследника испанской короны, выбрал своего преемника, ставшего впоследствии монархом реставрированного Королевства Испания. Им стал внук Альфонсо XIII и сын дона Хуана, графа Барселонского Хуан Карлос I [2].

Знаменитый испанский мыслитель-философ Хосе Луис Арангурен в преддверии политических преобразований 1975 года писал: «монархия создаст прочный барьер против коммунизма и против анархии. Монархия – это реальная возможность преодолеть дух гражданской войны. Тот факт, что этот институт стоит как бы «над схваткой», может иметь очень большое значение». В то же время, стоит заметить, что вопрос о республиканской форме правления в общественном дискурсе практически не стоял. У широких масс испанцев сложилось представление о республике как о чём то, что приносит войны, хаос и разруху.

После смерти Франциско Франко Хуан Карлос I, новый король реставрированной монархии, оказался в довольно сложном положении. Отражая и скрывая на протяжении более двадцати лет либерально-демократические взгляды своего отца, монарх был вынужден принять судьбоносное для страны решение. С одной стороны, запас прочности Франкистского режима позволил ему сохранить силу

и после смерти своего «вождя». В то же время, желание монарха преобразовать страну в либерально-демократическом ключе противопоставлялось слабостью соответствующего политического движения, не завоевавшего умы народных масс.

Политические полномочия нового короля были довольно обширными. Монарх имел право инициации референдума по изменению Конституции. В его полномочия входили назначение и снятие с постов глав правительства, а также председателя Кортесов. Имел права председательствования в ходе заседания кабинета министров. Более того, король обладал законодательными полномочиями и правом несогласия с принятием тех или иных нормативно-правовых актов, принятых парламентом. Однако, данные обширные полномочия законодательно ограничивались законодательным актом 1967 года, констатирующим необходимость узаконить все вышеперечисленные решения исключительно после рассмотрения кабинетом министров или парламентом. В случае нарушения этой процедуры все решения главы государства не имели законной силы.

Хуану Карлосу I предстояла долгая работа по демонтажу режима Франко, представители которого входили как в парламент и совещательный орган Совет королевства, так и в правительство. После мучительных переговоров королю удалось добиться назначения на посты председателей правительства и Совета королевства своих верных сторонников Торкуато Фернандеса-Миранда, а также Адольфо Суареса. Они и начали постепенно зачищать властные институты от ортодоксальных франкистов и подготовили политическую почву для процессуального одобрения политической реформы, согласно которой декларировался суверенитет народа Испании. Фактически данный закон демонтировал основы прежнего строя [8].

Данный политический ход позволял в дальнейшем провести Хуану Карлосу I политическую реформу по изменению Конституции и преобразованию Королевство Испания в демократическое государство. Внесённый в парламент проект реформы был одобрен кортесами, что казалось совершенно невысказанным. Был открыт путь к демократизации общества. Последующий после парламентского решения судьбоносный референдум также был одобрен абсолютным большинством населения Испании, что окончательно сформировало все предпосылки для мирной трансформации франкистского механизма власти, а также легитимировало короля в глазах общественности. В дополнение к этому, с целью придания правлению Хуана Карлоса I легитимной составляющей в соответствии с законами династического престолонаследия, в 1977 году прямой наследник престола, отец Хуана Карлоса I, в торжественной обстановке официально отказался от своих прав на испанский

престол. Стоит отдать должное, что, имея довольно скудные политические возможности в силу действия ограничительного закона, монарху Испании удалось осуществить невозможное абсолютно законными методами. Американский социолог Самюэль Хантингтон, изучающий демократические реформы реставрированной испанской короны в своём труде «Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации», отмечал: «Широкое распространение демократии в мире, получившее начальный импульс на Пиренейском полуострове, несомненно, наиболее важный политический феномен последний трёх десятилетий XX века». [7]

Важным аспектом деятельности монарха является политика Хуана Карлоса I по примирению противостоящих друг другу на протяжении веков «левых» и «правых». Заключение соглашения между всеми партиями, представленными в парламенте, называемого «пактом Монклоа», стало кульминацией в достижении компромисса между политическими силами [9].

Именно Хуан Карлос I возродил в умах народа идеи о необходимости и важности монархии. Принятие современной на сегодняшнем этапе Конституции 1978 года абсолютным большинством голосов избирателей явился актом абсолютного доверия испанского населения монарху. Многовековой Конфликт «республика-монархия» был окончательно разрешен именно Хуаном Карлосом I. Социалисты, выступавшие за республиканскую форму правления, сместили акценты на проблему по линии «демократия-диктатура».

Небывалый для современной Европы подъём престижа и влияния монархических институтов в общественном сознании связан ещё и с тем, что король добровольно отказался от части своих властных полномочий в обновлённой Конституции Испании. Теперь король Испании выступает верховным арбитром как между народом и властью, так и между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. В соответствии с нормами Основного закона монарх инициирует народные референдумы, назначает выборы. Судебная власть действует от имени короля, хотя монарх напрямую не интегрирован ни в одну из ветвей управления государством. Основной составляющей полномочий короны, от которой добровольно освободил себя и всех последующих наследников престола Хуан Карлос I, явилось право прямого выдвижения каких-либо законодательных инициатив. Корона может лишь санкционировать исполнение тех или иных решений, принятых парламентом. Исполнительная же ветвь власти полностью отделена от короны и принадлежит исключительно испанскому правительству. Известный британский политик и историк граф Конрад Себастьян Роберт Рассел в 1997 году писал о современных

институтах монархии следующее: «Монархия – это политический рефери, а не игрок, поэтому очень важно, что принцип назначения рефери отличный от принципа избрания игроков. В противном случае существовала бы опасность, что рефери начнёт подыгрывать». [12]

Важно отметить то историческое значение и уроки испанского опыта института монархии. Исторической заслугой короля реставрированной испанской монархии является тот факт, что глава государства восстановил историческую правопреемственность между конфликтующими испанскими периодами прошлого. Испанский исторический опыт доказал, что монархия является вполне гибкой, идеологические нейтральной формой правления. Она объединяла в себе и военную диктатуру, и демократический режим. В первой половине XX века преобладала уверенность в том, что демократия может быть достигнута исключительно через демонтаж монархии. А спустя многие десятилетия испанское общество столкнулось с совершенно противоположной реальностью – демократия была организована именно благодаря монархии, а о противоречиях между этими двумя явлениями в испанском дискурсе речи не стоит [10]. Именно реставрация современных институтов монархии в Испании позволила прервать нескончаемую цепь революций, переворотов, восстаний и гражданских войн, а сам король приобрёл в лице общества символический характер справедливого защитника национального единства государства.

В то же время, необходимо сказать, что окончательно дискуссии на тему монархии и республики не закончены. В начале XXI века данная проблема, считавшаяся решённой, вновь приобрела актуальность. Во многом, данное явление связано с недавними негативными событиями 2014 года, в которые была вовлечена королевская династия, включая самого Хуана Карлоса I и его семью, что сильно ударило по престижу монархии. 2 июня 2014 г. председатель правительства Испании Мариано Рахой в официальном заявлении сказал, что король Хуан Карлос принял решение об отречении от престола и передаче прав на него своему сыну Филиппу VI. Через некоторое время сам Хуан Карлос подтвердил слова председателя правительства и объяснил в телеобращении к народу причины принятия такого решения. Сразу же после занятия им престола был издан указ о присвоении отцу Филиппа VI титула почетного короля Испании. Но в 2018 г. в центре общественного внимания оказался коррупционный скандал, получивший широкую огласку в СМИ. Суть скандала заключалась в том, что король Испании получил от правящих кругов Саудовской Аравии 65 миллионов евро за посредническую роль при заключении с

испанской стороной сделки по строительству дороги Мекка-Медина. Эти средства вскоре были подарены немецкой принцессе Коринне Ларсен, близкой подруге Хуана Карлоса. Против короля Испании было возбуждено расследование прокуратурой Верховного суда, однако Хуан Карлос обладает иммунитетом. За отречением от титула короля в 2020 г. последовал отъезд уже бывшего монарха из страны. В письме к своему сыну Хуан Карлос объясняет своё решение покинуть страну попыткой избежать ущерб престижу королевской династии вследствие широкой огласки информации о его личной жизни. После скандала по Испании прокатилась волна демонстраций с республиканскими лозунгами [1]. Демонстранты требовали упразднения института монархии, намекая на его архаику и недемократичность вследствие отсутствия избирательного механизма.

Сын Хуана Карлоса I Филипп VI к настоящему моменту уже шесть лет является монархом Королевства Испания. В первые годы правления новый монарх смог вернуть престиж и доверие к королевской династии, проведя серьёзные антикоррупционные меры при своём дворе. В 2015 году он заявил о добровольном урезании своей заработной платы на 20% вследствие проблем в экономике государства. Также при правлении Филиппа VI имел место политический кризис, в ходе которого победившая на выборах партия не смогла сформировать правительство вследствие нехватки мест в парламенте. Из-за политических противоречий не удалось сформировать и коалиционное правительство из нескольких партий. В 2016 году после провала переговоров между политическими силами к разрешению кризиса подключился сам король, впервые после падения режима Франциско Франко, распустившего парламент. Негативно высказался Филипп VI и о проведённом незаконно референдуме о независимости региона Каталония от Испании. В целом, говоря о правлении Филиппа VI, необходимо заметить, что монарх, обладая достаточно широкими, в сравнении с другими монархиями Европы, полномочиями, предпочитает выполнять церемониальные функции, прибегая к непосредственному управлению страной только в кризисные моменты.

Заключение

Подводя черту под вопросом роли института монархии в Испании, представляется возможным заключить, что, пройдя через череду социальных потрясений, испанское королевство закономерно вернулось к наиболее подходящей для него форме правления, преобразовав монархию в соответствии с современными принципами политически развитого демократического общества. Республиканская

же форма правления, как показала практика испанского государства, оказалась неэффективной и во всех случаях приводила к критической поляризации общественного мнения внутри страны и невероятному росту сепаратистских настроений в связи с глубокой этнокультурной дифференциацией, итогом чего становились кровопролитие и очередная смена политического строя. Касательно вопроса монархии и республики представляет особый интерес мнение известного немецкого философа и политэкономиста Макса Вебера, выраженного им в крупнейшем труде «Хозяйство и общество» 1925 года: «Парламентская монархия исполняет ту роль, на которую президентская власть не способна. Она ограничивает у политиков жажду власти, потому что при ней Верховная власть в стране занята раз и навсегда» [13]. Опыт Испании продемонстрировал то, что корона способна подстраиваться под веяние времени, проявляя невероятную полит-идеологическую гибкость, сохраняя в глазах общества символизм политического посредника между властью и народом, возвышаясь над ними, а также выступая в роли объединителя культурно разрозненных этносов в одну нацию. Важно заметить, что сохраняется потенциал дальнейшего изучения вопроса роли монархии в испанском общественно-политическом процессе, что подтверждается возобновлением роста национального самосознания в регионах Испании и попыткой выхода одного из них из состава государства через референдум, признанный федеральным центром незаконными, а также вынужденным участием короля в разрешении данного регионального конфликта.

Список литературы

1. Андроненко И.Ф. Монархия Испании на современном этапе. Уч. пособие по общественно-политической лексике испанского языка. ДА МИД РФ. М. : 2016. 139 с.
2. Бернекер В.Л. Хуан Карлос I (с 1975 г.). Испанские короли. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 475-483.
3. Гарсия Х. Диктатура Примо де Ривера. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 367.
4. Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М.: АСТ, 2007. С. 768 .
5. Пономарева Л. В. Хуан Доносо Кортес: Из истории испанской политической мысли XIX века // Проблема испанской истории. М.: Наука, 1979. С. 342 .
6. Престон П. Франко. Биография. М.: Центрполиграф. 1999. С. 702.
7. Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации. М.: Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 10.
8. Хенкин С.М. Становление и консолидация демократии: испанский вариант. М.: Полис. 2002.
9. Anguila R.de, Montoro R. El discurso politico de la transicion Espanola. Madrid: Centro de Investigaciones sociologicas.,1984. P. 272.
10. Artola M. La monarquia de Espana. Madrid: Alianza Editorial, S. A., 1999. P. 642.
11. Bardavio J. El dilemma. Un pequeno caudillo o un gran rey. Madrid: Strips. P. 239.

12. Conrad Russel. The Fall of the British Monarchies. London, 1995. P. 550.
13. Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft, Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen: J.C.D. Mohr, 1972.

УДК 316.74:80

**Неожиданный результат пандемии:
изменение в дихотомии «Север – Юг» в медийном дискурсе Италии**

Назаренко Анна Игоревна

к.филолог.наук, доцент кафедры романских языков
Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, РФ
DAConfa@mail.ru

**The unexpected consequence of the pandemic: a change in the “North – South”
dichotomy in the Italian media discourse**

Nazarenko Anna Igorevna

PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the Romance languages
Diplomatic Academy of Russia’s Foreign Ministry, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается дихотомия «Север-Юг» в дискурсе современной итальянской прессы, в частности, в газете “Libero”. Особое внимание уделяется изменениям, произошедшим в анализируемой дихотомии весной 2020 года, во время пандемии коронавируса, и ее неожиданным последствиям. В статье содержится информация о проекте “South Working”, целью которого является преодоление антагонизма и разрыва между Севером и Югом Италии. Особо отмечается, что в настоящее время в итальянской прессе широко освещаются предложения по развитию Юга страны, такие, как новый проект знаменитого архитектора Стефано Боэри.

Ключевые слова: дихотомия «Север-Юг»; дисбаланс между Севером и Югом Италии; пандемия коронавируса в Италии; медийный дискурс Италии; газета “Libero”; проект “South Working”; Стефано Боэри; Вертикальный лес; работа в постковидном мире; последствия пандемии в Италии.

Abstract. The article concerns the “North-South” dichotomy in the discourse of the contemporary Italian media, specially in the Italian newspaper “Libero”. The article draws our attention to the change in the dichotomy under analysis in the months of the coronavirus pandemic in the spring 2020 and focuses on its unexpected consequences. The author also gives information about the “South Working” project which aims to mitigate the antagonism and the gap between Italy’s North and South. It is specially noted that currently the Italian media highlights the proposals of the development of the South, such as the famous architect Stefano Boeri’s new project.

Key words: “North-South” dichotomy; gap between Italy’s North and South; coronavirus pandemic in Italy; Italian media discourse; newspaper “Libero”; “South Working” project; Stefano Boeri; Vertical Forest; work in a post-COVID-19 world; consequences of the pandemic in Italy.

В последние годы, в контексте меняющейся геополитической картины мира, дихотомии «Север - Юг» и «Восток - Запад» все чаще становятся предметом политологических, экономических, социологических исследований. Дихотомия «Восток - Запад» чаще исследуется в работах, посвященных отдельным странам, которые в силу своего географического расположения и особенностей исторического развития находятся «на перепутье» между Востоком и Западом [3, 10]. Дихотомия «Север - Юг», напротив, анализируется в свете глобального экономического неравенства, как проблема отношений «мирового Севера» и «мирового Юга»: развитых и развивающихся стран [1, 5].

Отметим, что, в то время как противопоставление «Восток - Запад» традиционно символизировало цивилизационные различия, трактовка дихотомии «Север - Юг» как полярного разделения мира появилась сравнительно недавно, после распада колониальной системы. А.М. Казиева в статье «Антиномия Запада и Востока: пути формирования культурного синтеза» отмечает, что, в отличие от дихотомии «Запад-Восток» «появляющаяся время от времени в истории мировой культуры другая географическая антиномия Север - Юг имела временный или локальный характер, не претендуя на универсальность, всеобщность и всемирность. Так, для Античности Север ассоциировался с варварством; для русской культуры XVIII-XIX вв. Север в лице «Северной Пальмиры» - Петербурга являл собой русский вариант западноевропейской цивилизации, противостоящей «дикому» Югу (непокоренный Кавказ, Средняя Азия, опасные соседи Турция и Персия, загадочный и далекий Китай)» [2, с. 28-29]. Этот список можно продолжить: протестантский Север и католический Юг Европы, Север и Юг США.

Для нашего исследования мы выбрали Италию – страну, в которой противоречия между Севером и Югом были чрезвычайно сильны в момент объединения, в 1861 году, и так и остались нерешенными до наших дней. Актуальность работы обусловлена и тем, что весной 2020 года Италия неожиданно оказалась в центре внимания всего мира: именно на Севере страны был зарегистрирован первый в западном мире очаг эпидемии коронавируса, начавшейся на Востоке – в Китае.

Объектом исследования в данной статье станет дихотомия «Север-Юг» в медийном дискурсе Италии в месяцы, предшествовавшие пандемии, и изменения в нем, начавшиеся в марте 2020 года и получившие неожиданное развитие.

Дисбаланс между промышленно развитым, процветающим Севером Италии и экономически отсталым Югом во многом напоминает упоминавшийся в начале

статьи конфликт между развитыми и развивающимися странами. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на 2018 год Италия занимала первое место среди развитых стран по дисбалансу между регионами в показателях занятости и доходов населения. Например, между северной провинцией Больцано и южным регионом Калабрия по некоторым показателям отмечался разрыв в более чем в два с половиной раза [20].

Исторические предпосылки, причины и пути решения сложившихся противоречий становятся объектом исследований в самой Италии и за рубежом. В течение многих десятилетий сменяющие друг друга итальянские правительства выделяют значительные средства на финансирование южных регионов, для поддержки которых существует целый ряд программ на национальном и даже европейском уровне [9]. В сентябре 2019 года правительством Джузеппе Конте было сформировано Министерство по вопросам Юга и территориальной сплоченности (Ministero per il Sud e la Coesione territoriale). Однако все эти меры не изменили ситуации, ставшей уже стереотипной: южане отправлялись на Север в поисках работы или чтобы получить хорошее образование в университетах Милана, Болоньи, Падуи, Венеции; города и деревни Юга пустели, экономическая пропасть между северными и южными регионами все больше увеличивалась.

Все это объясняет, почему за словами «Юг» (il Sud; Il Mezzogiorno; il Meridione), «южный» (del Sud; meridionale) в Италии исторически закрепилась негативная коннотация. Сопутствующими значениями прилагательного «южный» для многих жителей северных регионов являются «отсталый», «бедный», «неразвитый», «малообразованный», «бездельник», «мигрант».

«Антагонизм между Севером и Югом, который сыграл основополагающую роль при создании единой Италии, и по сей день формирует большую часть политического и медийного дискурса нашей страны», - говорится в аннотации к вышедшему в 2019 году во Флоренции сборнику статей, в котором географы, филологи, историки, лингвисты, музыковеды размышляют о различных аспектах отношений между Севером и Югом в Италии и в Средиземноморском регионе [17]. Можно вспомнить, что в недавнем прошлом, на рубеже 80-90-х годов XX века, дихотомия «Север-Юг» стала основой для создания партии «Лига Севера». «В частности, одним из инструментов стратегии Лиги Севера является создание и манипуляция образом «врага». Так, изначально для Лиги подобными «чужаками» являлись мигранты-сограждане с Юга. Южане виделись представителями иной культуры, «южного» *modus vivendi* – «итальянской обломовщины», - отмечает старший научный

сотрудник Института Европы РАН Е.Маслова [4]. Перед парламентскими выборами 2018 года название партии было изменено на «Лига»: от «неполиткорректного» слова «Север» отказались, в надежде получить голоса избирателей с Юга. Однако, риторика политиков северных регионов, в частности, Венето и Ломбардии, стремящихся к получению расширенной автономии [8], по-прежнему часто строится именно на представлении Юга Италии как чужеродного образования, от которого необходимо, по крайней мере, дистанцироваться.

На поддержании негативного отношения ко всему, что связано с Югом, строится и платформа ряда североитальянских СМИ. Пальму первенства в этом можно отдать миланской газете “Libero”, основанной в 2000 году известным журналистом Витторио Фельтри. Фельтри - коренной северянин, он родился в городе Бергамо, на который весной 2020 года пришелся один из основных ударов эпидемии коронавируса. Фельтри начал работу в прессе еще в 1962 году с написания рецензий на кинопремьеры для газеты “L’Eco di Bergamo”, а затем в разное время был главным редактором таких консервативных изданий как “L’Indipendente”, “Il Giornale”, “Il Borghese”. За свою долгую журналистскую карьеру Фельтри не раз становился участником скандалов, вызванных его публикациями, и получал взыскания и предупреждения от Профессионального союза журналистов Италии. На Фельтри неоднократно подавали в суд за клевету, он приговаривался к выплате компенсаций истцам, и даже к тюремным срокам, которые, правда, были обжалованы в Кассационном суде и затем отменены. Возмущение читателей и коллег-журналистов вызывали оскорбления, некорректные и провокационные заявления Фельтри в адрес жертв насилия, представителей сил правопорядка, судебной власти. Еще одной излюбленной мишенью главного редактора газеты “Libero” являются южане. В своих статьях он часто использует насмешливый и даже презрительный термин «террони» (terroni), которым некоторые северяне называют южан. Термин происходит от слова “terra” – «земля»: исторически основой экономического уклада Юга Италии являлись не города с развитой промышленностью, а именно крупные землевладения – латифундии.

Сфокусируемся на нескольких статьях из газеты “Libero” за 2019 год, в которых фигурирует слово «террони». Заголовок на первой странице номера, вышедшего 11 января 2019 года, гласил: «Три главных поста в государстве из четырех - у южан. Нами командуют «террони»» [12]. Витторио Фельтри пояснил, что заголовок представлял собой призыв к солидарности с лидером партии «Лига» Маттео Сальвини, занимавшем в тот момент пост министра Внутренних дел: якобы у него столько врагов

в правительстве и парламенте именно потому, что его – северянина – окружают южане. Действительно, президент Италии С.Маттарелла – сицилиец, премьер Дж.Конте – из Апулии, а председатель Палаты Депутатов Р.Фико – неаполетанец, но подача газетой этой информации совершенно некорректным образом вызвала настоящий скандал. Не заставила себя ждать реакция Национальной федерации итальянской прессы, которая в тот же день назвала позицию газеты «неприемлемой, поскольку она противоречит статье 3 Конституции Италии» [22], в которой говорится о том, что все граждане имеют одинаковое общественное достоинство и равны перед законом независимо от пола, расы, языка, религии, политических убеждений, личного и социального положения. Профессиональный союз журналистов также подверг критике статью Фельтри, однако, это не заставило его стать более политкорректным.

5 сентября 2019 года, после формирования правительства, в котором многие министерства возглавили южане, Фельтри в передовице “Libero” охарактеризовал новый кабинет министров как «зоопарк, полный «террони», и враждебный Северу, который всех их содержит» [11]. Через несколько дней коллеги-журналисты обратились в Дисциплинарный территориальный совет Профессионального союза журналистов Ломбардии с заявлением, в котором говорилось: «Очевидно, что это расистская фраза, в которой южане недвусмысленно называются уничижительным прилагательным «террони» и подспудно сравниваются с животными, так как говорится и о зоопарке. Дискриминация еще более усиливается тем, что подчеркивается превосходство Севера, который «содержит всех их» - всех жителей Юга» [15]. В ответ Фельтри заявил, что ему безразлично мнение коллег, и что он использует термин «террони» по отношению к южанам не для того, чтобы унижить их, а просто в качестве шутки. В итоге журналист в очередной раз остался безнаказанным.

2 февраля 2020 года, когда охватившая Китай эпидемия казалась еще очень далекой от Европы, министр здравоохранения Италии заявил о том, что сотрудникам римского института инфекционных заболеваний Спалланцани удалось выделить штамм нового коронавируса. Итальянские СМИ сразу же опубликовали подробную информацию об ученых, изолировавших вирус. Ими оказались три женщины - две научные сотрудницы и врач-вирусолог. Все трое были родом из южных регионов Италии. Витторио Фельтри отреагировал на эту информацию, написав в Твиттере следующее: «Три женщины с Юга в течение 48 часов изолировали коронавирус. Это настоящее чудо! А потом еще говорят, что «террони» ни на что не способны. Ерунда.

Аплодисменты им» [14]. Судя по комментариям на страничке Фельтри, далеко не все оценили такое своеобразное признание заслуг жителей Юга, восприняв твит журналиста скорее как дискриминирующий и уничижительный.

Спустя всего три недели после этого случая, 21 февраля, в Ломбардии был зафиксирован первый в Италии случай коронавируса. 1 марта глава Департамента гражданской защиты А.Боррелли объявил, что в стране уже 1500 заболевших и 34 умерших. Эпидемия стремительно распространялась по Апеннинскому полуострову, и 4 марта передовица “Libero” сообщила об этом в обычном для газеты стиле: «Инфекция объединяет Италию. Вирус завоевывает Юг». На этот раз уже не отдельные коллеги, а весь Исполнительный комитет Профессионального союза журналистов направил обращение в Дисциплинарный территориальный совет Профессионального союза журналистов Ломбардии, отмечая недопустимость постоянной подачи газетой в подобном ключе тем, имеющих для страны особую социальную значимость.

8 марта премьер-министр Джузеппе Конте подписал указ правительства о создании в области Ломбардия и еще 14 провинциях северной Италии особой «красной зоны», что означало фактическую изоляцию этой территории. Однако информация о планировавшемся запрете на передвижения из северных областей попала в СМИ еще накануне, 7 марта. Вечером и ночью охваченные паникой южане, проживавшие на Севере - переехавшие по работе или студенты университетов - бросились на вокзалы в надежде купить билет и вернуться домой, на Юг, до того, как закроют границы регионов. В интернете тут же появились фотографии хаоса, начавшегося на Центральном вокзале Милана и переполненных поездов, отправлявшихся на Юг. Однако на Юге возвращавшихся с Севера никто не ждал. Главы южных областей негативно отреагировали на то, что еще недавно стало бы радостной вестью - на массовый исход земляков с Севера и возвращение их в родные дома. Теперь этих людей - возможных носителей «северного вируса» - на Юге никто не хотел принимать. Президент области Апулия Микеле Эмилиано первым выпустил постановление, предписывающее всем, прибывающим с Севера, соблюдать 14-дневный карантин, а позднее разместил в Фейсбуке эмоциональное обращение к землякам, бегущим с Севера: «Я обращаюсь к вам, как если бы вы были моими детьми, братьями, племянниками: остановитесь и возвращайтесь назад. Сойдите с поезда на первой же станции, не берите билеты на самолеты до Бари и Бриндизи, поверните обратно на своих машинах, покиньте автобусы на следующей остановке. Не привозите сюда, в свою Апулию, эту ломбардскую эпидемию, венецкую эпидемию,

эпидемию из Эмилии-Романьи. Вы несете в легкие своих братьев и сестер, своих дедушек и родителей вирус, который поставил на колени систему здравоохранения Севера Италии» [21].

Совершенно внезапно в дихотомии Север-Юг произошел радикальный переворот. То, что еще вчера ассоциировалось со стабильностью, богатством, благополучием, процветанием – а именно такая коннотация была присуща словам «Север» (*il Nord*), «северный» (*del Nord; settentrionale*) – стало синонимом опасности, хаоса, смерти. Всего месяц назад никто не мог бы предположить, что эlegantные прилагательные «ломбардский» и «венетский» получают отрицательную коннотацию, которая прослеживается в процитированных выше словах главы области Апулия.

В конце апреля 2020 года, во время второго месяца карантина, планы по возможному открытию границ между регионами были негативно восприняты главами южных областей – Кампании, Калабрии и Сицилии. Президент области Кампания Винченцо Де Лука заявил о намерении закрыть в таком случае границы области для тех, кто будет приезжать с Севера. Эта позиция стала предметом обсуждения в итальянских СМИ, в частности, в программе “Fuori dal coro” известного журналиста и телеведущего Марио Джордано, гостем которой в тот вечер был как раз Витторио Фельтри. В ходе дискуссии Фельтри заявил следующее: «Мне симпатичен Де Лука, но я хотел бы спросить его, закроет ли он границы только на въезд или на выезд тоже? По моим сведениям, каждый год 14 тысяч жителей Кампании отправляются в Милан на лечение, потому что медицинские учреждения Ломбардии вызывают куда больше доверия. Я думаю, что никто из нас даже и не думает уезжать в Кампанию. ... Я ничего не имею против жителей Кампании! Я только говорю, что вот мне, тебе и другим, зачем нам переезжать в Кампанию? Чтобы работать парковщиками на нелегальных парковках? ...То, что в Ломбардию пришла беда из-за коронавируса, вызвало нездоровое возбуждение у многих людей, которые испытывают зависть и злость по отношению к нам, потому что у них своего рода комплекс неполноценности. ...Я считаю, что южане во многом на ступень ниже» [23].

После этого резонансного выступления Юг буквально восстал против главного редактора газеты “Libero”. На Фельтри обрушился такой шквал критики, что 26 июня он сообщил о своем выходе из Профессионального союза журналистов Италии. В нашей статье мы обратились к статьям и выступлениям Фельтри, как к одному из наиболее ярких образцов трактовки в медийном дискурсе Италии дихотомии «Север - Юг» в пользу Севера.

Отметим, что в последние годы Фельтри все чаще критиковали не только за

оскорбительные высказывания в адрес южан, но и за сам факт последовательного продвижения идеи неравенства двух частей Италии, и, таким образом, за разжигание ненависти между Севером и Югом. По мнению противников Фельтри, одним из первых шагов к «объединению Италии» в сознании жителей должен стать отказ от постоянной классификации в СМИ политиков, ученых, деятелей культуры по региону, в котором они родились. Пресса и телевидение должны подать пример и говорить не о «южанах» и «северянах», а просто об «итальянцах». Если постепенно исчезнут сами составляющие дихотомии, то исчезнет и антагонизм между Севером и Югом.

Однако, переворот в дихотомии «Север-Юг» весной 2020 года сначала привел к тому, что участники противостояния просто поменялись ролями. Пытаясь найти причины катастрофической смертности от коронавируса в Ломбардии, итальянские СМИ заговорили об опасности жизни на Севере страны, о чрезмерной плотности населения, скоплении промышленных предприятий и загрязненности воздуха на Паданской низменности. В качестве альтернативы в СМИ начала представляться здоровая размеренная жизнь в экологически чистых районах Юга, который как по мановению волшебной палочки перестал восприниматься как «бедный» или «отсталый».

В июне границы между итальянскими регионами открыли, но мало кто из южан стремился вернуться на Север. Удаленная работа и дистанционное обучение сделали для многих возможным осуществление заветной мечты: ведь теперь не нужно переезжать на Север и снимать там дорогое жилье, можно остаться дома, на Юге, но по-прежнему получать высокие «миланские» зарплаты или хорошее образование.

Летом 2020 года эта новая реальность вдохновила группу молодых южан - ученых и специалистов - на создание интересной программы, предусматривающей сотрудничество между северными фирмами и предприятиями и адвокатами, инженерами, архитекторами, аудиторами, консультантами с Юга, которые получают возможность большую часть времени работать удаленно [13]. Первыми городами, участвующими в эксперименте, стали Милан и Палермо. В Италии любят давать всему новому английские названия [6, 7], и данный проект не стал исключением. Он получил название “South Working”, с последующим пояснением на итальянском: “Lavorare dal Sud” – «работать с Юга». Создатели проекта ставят перед собой амбициозные задачи: изменить структуру рынка труда, при котором ограниченное число больших городов притягивает огромное количество людей, находящихся в

поисках работы, а также отказаться от системы ежедневного присутствия на рабочих местах, вынуждающей работодателей искать сотрудников в непосредственной географической близости от предприятия или офиса. О программе “South Working” сейчас пишут многие итальянские СМИ, отмечая, что этот проект мог бы остановить «утечку мозгов» с Юга, и в перспективе как раз сгладить дисбаланс между Севером и Югом.

Отметим, что “South Working” – не единичная инициатива, касающаяся нового видения организации жизни и работы в посткоронавирусную эпоху. Так, о своем взгляде на эту проблему рассказал в интервью газете “La Repubblica” знаменитый итальянский архитектор Стефано Боэри, автор проекта уникального жилого комплекса «Вертикальный лес». Две башни в миланском районе Порта Нуова, экологическая ценность которых эквивалентна гектару леса, были признаны в 2014 году небоскребами года. Пандемия, к сожалению, затормозила завершение подобных проектов в Китае и Албании.

Размышляя о реорганизации жизненного пространства после окончания пандемии и о будущем Италии, Стефано Боэри высказывает мысль о назревшей необходимости покидать большие города, делая выбор в пользу маленьких городков, которые в Италии исторически называются «борги» (borghi). Архитектор поясняет, в чем состоит его план: «В Италии множество заброшенных «борги», которые необходимо спасти. У нас есть уникальный шанс для этого. Я думаю о большом проекте на национальном уровне: в Италии 5800 городков с населением меньше 5000 жителей, а 2300 из них находятся в полузаброшенном состоянии. Если бы 14 крупных городских агломератов «взяли шефство» над этими городами, получая налоговые льготы и преимущества...» [16].

Предложение Боэри получило широкое освещение и поддержку в СМИ. Наибольшее количество практически опустевших «борги» находится в южных областях Италии, и проект Боэри обращен в первую очередь к ним. Не случайно, доклад, с которым 23 июля архитектор принял участие в вебинаре «Юг и Ирпиния после пандемии», назывался «Будущее маленьких городков Юга» [18].

«В долгосрочной перспективе целью проекта является стимулирование экономики Юга, увеличение территориальной сплоченности между различными регионами Италии и создание благоприятной почвы для инноваций и роста на Юге» - эти слова журналистов [19] о программе “South Working” можно отнести и к инициативе, предложенной Стефано Боэри.

Таким образом, мы видим, что в данный период в дискурсе итальянских СМИ

наметилась неожиданная тенденция к сближению двух полюсов дихотомии «Север-Юг». Будущее покажет, было ли это сиюминутным эффектом пандемии или в итоге станет возможным преодоление антагонизма между Севером и Югом Италии и создание какой-то новой реальности.

Список литературы

1. Глебова Н.С. Дихотомия Север-Юг и арабский мир на современном этапе. [Электронный ресурс] Институт Ближнего Востока 23.11.2008 // URL: <http://www.iimes.ru/?p=7766> (дата обращения: 29.09.2020).
2. Казиева А.М. Антиномия Запада и Востока: пути формирования культурного синтеза. Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. №3. С.27-37.
3. Коптелова И.Е. Дихотомия Восток-Запад в политическом дискурсе премьер-министра Венгрии Виктора Орбана // Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания. Сб. статей. 1-ое издание. М. Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». 2017. С.110-120
4. Маслова Е.А. Еще один референдум: стремятся ли к независимости области Северной Италии? [Электронный ресурс] Валдай. Международный дискуссионный клуб 27.10.2017 // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/referendum-nezavisimost-italiya/> (дата обращения: 29.09.2020).
5. Мерзликина К.С. Глобальное экономическое неравенство «Север-Юг» как вызов безопасности и стабильности мирового хозяйства. [Электронный ресурс] Электронный научный журнал «Архонт». Выпуск №2. 2017. С.67-71 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnoe-ekonomicheskoe-neravenstvo-sever-yug-kak-vyzov-bezopasnosti-i-stabilnosti-mirovogo-hozyaystva/viewer> (дата обращения: 29.09.2020).
6. Назаренко А.И. Добро пожаловать в Итанглию! // New World. New Language. New Thinking. Сб. материалов межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Дипломатическая академия МИД России. М. 2018. С.359-367.
7. Назаренко А.И. Тенденция к аналитизму в языке итальянской прессы // New World. New Language. New Thinking. Сб. материалов III Международной научно-практической конференции. Дипломатическая академия МИД России. М. 2020. С.745-754.
8. Назаренко А.И. Южный Тироль и Венето: поиски идентичности в эпоху глобализации // Языковая политика многонациональных государств в эпоху глобализации. Проблема малых и исчезающих языков. Материалы российской научно-практической конференции с международным участием. Казань, 28-30 сентября 2017г. Казань. Издательство Казанского университета, 2017. С.174-188.
9. Овакимян М.С. Особенности развития Севера и Юга Италии / М.С.Овакимян, Д.А.Легкоступова // Горизонты экономики. М. Изд-во «Экономика». 2018. №6 (46). С. 94-99.
10. Пономарев А.Д. Дихотомия «Восток – Запад» в российской политической культуре. [Электронный ресурс] Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. №10 (октябрь) // URL: <http://e-koncept.ru/2018/183065.htm>. (дата обращения: 29.09.2020).
11. Carnimeo N. Bisogna spiegare a Vittorio Feltri e compagnia che i terroni non sono

- animali da zoo. [Электронный ресурс] Il Fatto Quotidiano 09.09.2019 // URL: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2019/09/09/bisogna-spiegare-a-vittorio-feltri-e-compagnia-che-i-terroni-non-sono-animali-da-zoo/5439918/> (дата обращения: 29.09.2020).
12. 'Comandano i terroni', bufera su Libero. [Электронный ресурс] Adnkronos 11.01.2019 // URL: https://www.adnkronos.com/fatti/cronaca/2019/01/11/comandano-terroni-bufera-libero_6pcDf7NTpERHmeo5yYRCZN.html (дата обращения: 29.09.2020).
13. D'Alessandro J. Dallo smart working al south working. "Per lavorare a Milano vivendo a Palermo". [Электронный ресурс] La Repubblica 26.06.2020 // URL: https://www.repubblica.it/dossier/tecnologia/rivoluzione-smart-working/2020/06/26/news/dallo_smart_working_al_south_working_per_lavorare_a_milano_ma_vivendo_a_palermo_-259991591/ (дата обращения: 29.09.2020).
14. Di Tommaso C. Feltri ci ricasca: "Tre meridionali hanno identificato il Coronavirus in 48 ore, un miracolo". [Электронный ресурс] Vesuviolive 03.02.2020 // URL: <https://www.vesuviolive.it/ultime-notizie/323333-feltri-meridionali-coronavirus-miracolo/> (дата обращения: 29.09.2020).
15. Feltri nei guai per l'articolo contro i meridionali, l'ordine dei giornalisti aprirà procedimento. [Электронный ресурс] Fortebraccio 13.09.2019 // URL: <https://fortebraccionews.org/2019/09/13/feltri-nei-guai-per-larticolo-contro-i-meridionali-lordine-dei-giornalisti-aprira-procedimento/> (дата обращения: 29.09.2020).
16. Giovana B. Coronavirus, Boeri: "Via dalle città, nei vecchi borghi c'è il nostro futuro". [Электронный ресурс] La Repubblica 20.04.2020 // URL: https://rep.repubblica.it/pwa/intervista/2020/04/20/news/coronavirus_boeri_via_dalle_citta_nei_vecchi_borghi_c_e_il_nostro_futuro2-254557453/ (дата обращения: 29.09.2020).
17. Il dualismo Nord-Sud: vecchie e nuove questioni in Italia e nel Mediterraneo. [Электронный ресурс] Franco Cesati Editore // URL: <http://www.francocesatieditore.com/catalogo/dualismo-nord-sud-vecchie-nuove-questioni-italia-nel-mediterraneo/> (дата обращения: 29.09.2020).
18. 'Il Sud e l'Irpinia dopo la pandemia', giovedì webinar Centro Dorso. [Электронный ресурс] Adnkronos 19.07.2020 // URL: https://www.adnkronos.com/soldi/economia/2020/07/19/sud-irpinia-dopo-pandemia-giovedi-webinar-centro-dorso_VJdONhKWch5hNl4Jz6gYyN.html (дата обращения: 29.09.2020).
19. Magliaro A. South Working, così il lavoro smart svuota il Nord e diventa motore per il Meridione. [Электронный ресурс] Ansa 23.08.2020 // URL: https://www.ansa.it/canale_lifestyle/notizie/societa_diritti/2020/08/13/south-working-cosi-il-lavoro-smart-svuota-il-nord-e-diventa-motore-per-il-meridione_7be1c628-3ce6-495c-bdf7-68f5d5e7e1c8.html (дата обращения: 29.09.2020).
20. Ocse, Italia al top per disparità tra nord e sud. [Электронный ресурс] Il Messaggero 09.10. 2018 // URL: https://www.ilmessaggero.it/economia/news/ocse_italia-4027477.html (дата обращения: 29.09.2020).
21. Puglia, obbligo di quarantena per chi torna dal Nord. Emiliano: "Ci state portando il virus" [Электронный ресурс] La Repubblica 08.03.2020 // URL: https://bari.repubblica.it/cronaca/2020/03/08/news/puglia-obbligo-di-quarantena-per-chi-torna-dal-nord-emiliano-portate-il-virus-nei-polmoni-dei-vostri-cari_-250612276/ (дата обращения: 29.09.2020).

22. Titolo di Libero sui 'terroni', Fnsi "Inaccettabile..." [Электронный ресурс] Fnsi 11.01.2019 // URL: <https://www.fnsi.it/titolo-di-libero-sui-terroni-fnsi-inaccettabile-ma-no-alla-censura-di-di-maio> (дата обращения: 29.09.2020).
23. Vecchio C. Coronavirus, Vittorio Feltri contro i meridionali: "Inferiori". L'Ordine valuta il danno di immagine. [Электронный ресурс] La Repubblica 22.04.2020 // URL: <https://www.repubblica.it/politica/2020/04/22/news/feltri-254716587/> (дата обращения: 29.09.2020).

UDC 130.2

American Mythmaking: Tales, Myths and Legends

Petrukhina Maya Andreevna

Cand.Sci. (Philology), professor, Professor of the English chair
Department of International Relations and International Law
Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry, Russia, Moscow
DAConfa@mail.ru

Американское мифотворчество: предания, мифы и легенды

Петрухина Майя Андреевна

канд.филол.наук, профессор, профессор кафедры английского языка
факультета международных отношений и международного права
Дипломатическая академия МИД РФ, РФ, г.Москва

Abstract. Every nation has its own myths as myths help, even though if sometimes in an irrational manner, to explain the world and overcome existential syndromes. Goal-myths set development trends of a nation for many years to come. The article dwells on several of such myths that Americans have. It analyses their origin, trajectory and the state of such myths at present.

Key words: mythmaking; City on the Hill; frontier myth; American Dream myth; myth of equal opportunities

Аннотация. Мифотворчество характерно для каждого народа, поскольку мифы помогают, пусть иногда иррационально, объяснять мир и преодолевать экзистенциальные синдромы. Целеполагающие мифы определяют тенденции развития того или иного народа на многие и многие годы. У американцев сформировалось несколько таких мифов, о которых и идет речь в настоящей статье. В ней анализируются их истоки, пути развития и состояние этих мифов в настоящий момент.

Ключевые слова: мифотворчество; Град на Холме; миф о границе; Американская мечта; миф о равных возможностях

Every society as it develops produces a series of *images and narratives* that in some sense become the common property of its members. These myths and legends serve a variety of functions in the society: they can offer an explanation of its physical and cultural origins;

justify its hierarchies and other public arrangements; explain its beliefs, its rituals, its standards of morality and value; express its hopes as well as its fears.

The origins of early tales, legends and images are a matter of considerable speculation, but they probably emerge from *an interaction of historical events, individual creations and a certain set of values admitted in the society* [2]. No wonder, the initial form of a story, being told and retold, can be gradually developed, embellished, altered over time and assume the qualities of a legend, before it gets some definitive shape. Divergent, even conflicting *myths can coexist within a culture*, at least for a while. Different groups within a society construct and pass on stories they prefer.

Ultimately the stories of the dominant group in a society themselves may come to dominate, though alternate myths often continue to live a kind of “underground” existence offering a form of resistance to culture majority groups.

The creation of myths is not a phenomenon of the past [1, p. 62-63]. They continue to be produced *by accident and by design* in any living society (“*Rambo*” is a contemporary example of a consciously created legendary character designed to express the unfulfilled desires of some American male stuff. The strong silent cowboy was a similar invention of the late 19th century writers). Myths, tales and legends are not expected to be “realistic”, to be true to life in any literal way. The legendary exploits of the lone cowboy betrayed the harsh, boring conditions of his actual existence. Certain experiences rooted in historic figures like *David Crockett and Daniel Boone* (“frontier” heroes of the West and Mexico war participants) take on a life of their own distant from whatever historic roots they had. The appeal of such tales is not what they did or could happen but that they express desires or values or fears of some number of people in a culture.

It’s important to remember that the variety of myths and tales were gathered in the early 19th century and enjoyed a great popularity with many colonists.

1. Popular Colonial Tales

Myths of American settlers reflected *their collective judgements and collective fantasy* (Indian mythology which existed was dismissed at the time). American colonists’ myths possessed and still possess a great deal of sustainability and tenacity and spread among the public at large. What gives them force is their capacity to *make sense of common and shared experience*. The tools of public myths include the bios of famous citizens and celebrities, pop fiction and music, movies, feature stories on the evening air and gossip columns. Mythology also makes itself seen in political speeches, presidential addresses and sermons. This is how collective judgements are shaped.

The role and meaning of myths is felt both in *American character and image making* as well as in *political and social traditions*. A well known American scholar and researcher **Robert Reich** in his book “*Tales of a New America*” (1987) collected a number of mythology tales, each having a meaningful name and titled “*Four Moral Tales*”. They look like *parables*, short, simple stories rendering some ideas of moral and religious character [3]. Each tale renders the dream of the first colonists about *a fair and secure home life arrangement* in the country since its inception.

The first mythic story “*The Mob at the Gates*” is about “tyranny and barbarism in a world of darkness with America remaining the only beacon of light as an island of freedom and democracy in a perilous sea” [11]. In other words, Americans are uniquely blessed in history and remain a model for other countries to follow and the hope for the poor and the oppressed. Hence American endless efforts to isolate themselves from the rest of the globe, contain evil forces from the outside and promote missionary zeal to ignorant outsiders.

The second tale “*The Triumphant Individual*” renders the story of a little guy who works hard, takes risks, believes in himself and eventually earns wealth, fame and honor. Its message: you need to have enough drive and guts. The character is like a hero “*the ragged Dick*” from popular stories by an American writer **Alger Horatio** (1834-1899) about a man who rises “*from rags to riches*” through *pluck and luck*. The moral: anyone could do it in America.

The third tale “*The Benevolent Community*” is a story of neighbors and friends who can manage through self-sacrifice, community help, pride and patriotism to gain life success. This story is deeply rooted in America’s religious traditions most vividly felt in John Winthrop’s Puritan sermons delivered on board a ship in 1630 in Salem Harbor where Puritans landed. Their cherished idea of “building a city on the hill” was a parallel with *Matthews* biblical version of *the Sermon on the Mount*. Lots of biblical allusions permeate speeches of American Presidents, their political followers and opponents.

The last tale “*Rot at the Top*” is about abuses of powerful elites-past and present. It’s a story of greed, irresponsibility and corruption among business leaders, shameless rich aristocrats and corrupted civil servants. American Founding Fathers at the time of accepting **the Declaration of Independence and the American Constitution** (1776-1777) voiced their concern about the possibilities of power abuse in the country and spoke in favor of *power constraints through checks and balances, electoral reforms, politicians’ accountability to the public*. These four parables have endured through American history in each period combining and conveying a distinct message. Over the time they have grown into mythology narratives sustaining the nation’s desire to be true to their old beliefs and

perceptions.

On the heels of it there appeared the notion of *American national creed or credo* – **the Great American Dream** - which *reflected basic ideas and conceptions of the American population concerning its value orientations and principles of life*. The name was launched by a historian **James Truslow Adams** in his book “*The Epic of America*” (1931). It was coined during the period of **the Great Depression** in America from its public use as a basic concept of intellectual and cultural life of the nation some time before.

2. Origin, Basics and Evolution of the American Dream

The concept of the Great American Dream is constantly involved in political, social and cultural spheres. The Dream remains part of *the American character and spirit, social consciousness and psychology*. *It was massively shared and deeply cherished*. It used to demonstrate *popular loyalty to American society* and was rooted in *trust and faith*. (Puritan principles were reflected there: the pursuit of happiness, faith and dignity). The Dream stems from specific favorable conditions of American history: the immense size of the country with varied climate zones, relative isolation from the rest of the world, natural abundance: cultivable soil, water, diverse minerals and raw resources. The unique “economic abundance” of America has also affected its social and political conditions and contributed in diverse ways to the shaping of its traditions and values reflected in the Dream. It can be also defined as *a great human faith, a social phenomenon, a product of social consciousness which at the time of its inception reflected a great massive drive towards social betterment*. It was the dream of the people living in happiness and plenty which was traced in the Declaration of Independence [4].

Any dream is a myth, at least in part. The American dream comprised a number of myths. Most known of them are the following: *myth of equal opportunity, of open frontiers, of the freedom of choice*.

Myth of Equal Opportunity. From the very inception it was identified with *the idea of equal starts and equal returns*. It was true in the beginning since the givens of people didn't differ much then. But later on with *the tendency of capital acquisition and social polarization*, moving head on, there appeared *discrepancies in terms of the amount of money earned*. Moreover in terms of Protestantism since the 17th century *private property, private accumulation was god-approved thing*. God's will manifested itself in *wealth accumulation as the basis for the good* and working hard for all because *only hard work can secure wealth*. By working hard (“each should humbly do his part”) you can contribute *to the common good*. Thus people with money were God's chosen people and that's why they had money. And this idea had credit with the people and was morally accepted.

Through the Calvinist doctrine the concept of the *American nation's exclusiveness, its messianic role in the world* (on the national scale) entailed *the idea of the elect* (on the personal scale): some people eventually succeeded more than others. And if you fail you have only yourself to blame and nobody else. Moreover, for Americans *the idea of personal success has always meant the idea of material success only*. The idea that all men are created equal and have the same fundamental rights *to be considered as ends in themselves and not as means* has never occurred to most Americans.

Myth of Open Frontiers. This myth is *a manifold idea covering territorial, economic, social and human areas*. Historically, it was only *territorial* stemming from the Enlightenment spirit of frontier men-former European immigrants, “*second chancers*”, who were moving westward as free farmers. Their frontier spirit was based on democratic beliefs that *every man was entitled to dignity, faith, individual freedom and pursuit of happiness*. Later on exploration of other frontier fields – *economic and social*- followed for some time.

But today these fields are mostly closed. Their closure started since the 60s 20th century with the economic crisis on. *Socially and humanly speaking* such highly positive values and ideals of the Enlightenment as the *role of knowledge and progress, individual worth of man desiring to unfold and enhance his powers* have been cheated on by the Establishment. It has been often registered among those people who are quite well off but feel frustrated and unhappy. For example, Robert Slocum, the hero in **Joseph Heller's** celebrated novel “*Something Happened*” (1974), feels restless and unhappy in spite of his material prosperity. He sees everywhere meaningless existence, emptiness and distress. His drama is that of an individualist whose life is devoid of any spiritual sense and value orientation.

The fate of Gatsby, the hero in **Scott Fitzgerald's** famous novel “*The Great Gatsby*” (1925), demonstrated that getting more money in the hero's single-minded pursuit of material success did not make him feel any happier. The question naturally arises: does money bring happiness? In *human terms*, the value of money as a basic means to one's happiness appears no longer relevant or valid. No money can buy truth, humanity and happiness.

Myth of the Freedom of Choice. This myth was also historically conditioned. For Americans the idea of freedom has always been identified with *the idea of freedom of individual choice and free enterprise*. The field of free enterprise is still open but at the same time the USA remains mostly a state of corporate capitalism with a mixed welfare system. Over time the freedom of choice was turned into a license to be individualistically oriented. People are forced by the Establishment to choose “*having*” orientation. But living by

“*having*” and not by “*being*” one fails to develop its own potential and “*live a lie*” and “*not a life*”. This attests to the fact of so much *conformism, moral adjustment and accommodation in the US*. James Adams’ idea was that dream and profit can’t be totally competitive: “By devoting all their energies to the elaboration and piling up of things, to the making of possession of things the necessity of their lives, a symbol of success, Americans have brought about a situation in which the obtaining of money has become the preoccupation of their minds.” [4] The national creed remains attractive for American immigrants who continue to believe that if you “*try hard and persevere happiness is round the corner*”.

The need to sustain the Dream’s relevance is constantly seen in political argumentation and public addresses. One can hardly find an ex-president who did not appeal to the Dream in his inaugural address.

George Bush (Snr) in his inaugural address, said: “My friends, we are not the sum of our possessions. They are not the measure of our lives... America is never wholly herself unless she is engaged in high moral purpose”. [7]

George Bush (Jr) followed him up: “The grandest of these ideals is an unfolding American promise that everyone belongs, that everyone deserves a chance”. [8]

Bill Clinton in his address turned to the legacy of American Founders: “We, the American people, we are the solution. Our founders understood that well, and gave us the democracy strong enough to endure for centuries, flexible enough to face our common challenges and advance our common dreams.” [9]

Barack Obama joined up: “At stake now is whether we sustain the leadership that has made America not just a place on the map, but the light to the world...We believe that we share common hopes and a common creed.” [10]

Donald Trump, notwithstanding his incremental attempts to curb “dreamers” immigration to the US, in one of his public addresses remarked: “We must also recognize that we are a nation of opportunity because we a nation of laws” [12].

Be that as it may, in an era of stagnating wages, family breakdown and social dislocation a feeling of “dispossession” appears: a sense of promises broken, a feeling that what you were supposed to have has been denied to you. One of the leading American anthropologists **David Brooks**, the author of a recently published book “The Second Mountain” (2019), asserts that these days “things are *not* in good shape,.. our problems are societal. The whole country is going through some sort of spiritual and emotional crisis...We’ve created a culture based on lies.” [5] He lists several lies the Establishment foists on the young related to self-sufficiency, career success and classless society. Issues of race and prejudice and privilege continue to roil America today.

Thomas L.Friedman, an op. columnist with the New York Times, refers to some challenges facing the fulfillment of the American Dream in the millennium years: “Only we can ensure that the American Dream – the core promise we’ve made to ourselves that each generation will do better than his parents-is not fulfilled, because we fail to adapt in this age of rapidly accelerating changes in technology, markets, climates, the workplace and education.” [6]

In fact, the concept of the *American Dream* is complex and open to further studies. On the one hand, it is based on *popular beliefs and delusions* rooted in *social ignorance about the goals of the society*. On the other hand, *it is* the embodiment of the drive of the large democratic America *for a just and humane social living*.

List of references

1. Коптелова И.Е. Мышление масс и социальная мифология. Дисс. ... кандидата философских наук. МГУ им. М.В.Ломоносова. М. 1999. 177 с.
2. Петрухина М.А. «Американская мечта» в контексте современной культуры США // Американский характер. М. : 1995. С. 73-86.
3. Петрухина М.А. Сопоставление мифов и реальности в лекциях по страноведению США // Мир педагогики и психологии. 2017. № 10 (15). С. 39-47.
4. Adams, J. T. “Our Dissolving Ethics”. A collection of Essays. N. Y. 1929. p. 66.
5. Brooks, David “Five Lies Our Culture Tells”. The New York Times. April 15. 2019.
6. Friedman, Thomas L. “The Biggest Threat to America is US”. The New York Times. July 2. 2019.
7. The Inaugural Address of President George Bush. The Dept. of State Bulletin, Jan.1989.
8. The Inaugural Address of President Bush, Jr. All Politics transcript. 24.01.2001.
9. The Inaugural Address of President Clinton. The AP. Jan.1993.
10. Obama, Barack. State of the Union Address. The New York Times. Jan. 25. 2011.
11. Reich, R. “Tales of a New America.” Times Books. N. Y.1987. p.8
12. Sevastopulo, Demetri and Lynch, David “Trump scraps ‘Dreamers’ Immigration measures”. The Financial Times. Sept. 6. 2017.

УДК 130.2

Содержание категории «справедливость» как отражение культурно-цивилизационных особенностей западного и русского миров

Семенова Екатерина Николаевна

Старший преподаватель кафедры романских языков
Дипломатическая академия МИД РФ, РФ, г.Москва
DAConfa@mail.ru

"Justice" as the expression of civilizational differences in Western and Russian worldviews

Semyonova Ekaterina Nikolaevna

Senior lecturer of the Romanic chair
Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry, Russia, Moscow

Аннотация. Автор изучает специфику и различия культурно-ценностных систем западного и русского обществ. Рассматривается содержание терминов «цивилизация» и «цивилизационный код» как социокультурных явлений. В статье наглядно представлены отличительные особенности мировоззрений западной и православной (по Хантингтону) цивилизаций на примере анализа различий в восприятии обществами содержания такой ценностной категории как «справедливость» в нормативно-правовом и морально-этическом аспектах. Дополнительно изучаются категории индивидуального характера «совесть» и «вина» как составные части термина «справедливость».

Ключевые слова: цивилизация; цивилизационный код; мировоззрение; западные ценности; русский мир; справедливость

Abstract. The author studies the specifics and main differences in cultural values between Western and Russian societies. Such terms as "civilization" and "civilizational code" as socio-cultural phenomena are considered. The article shows distinctive features in Western and Orthodox worldviews through legal and ethical analysis of a term "justice". Additionally, such social terms as "conscience" and "guilty" as components of the justice are studied.

Key words: civilization; civilizational code; worldview; Western values; Russian values; justice

В конце XX века на обозрение мирового сообщества был представлен труд знаменитого американского теоретика в области социологии и политики Сэмюэля Филлипса Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Одной из центральных проблем, поднимаемых в работе исследователя, стало выделение на основе отдельных критериев девяти самодостаточных центров силы – цивилизаций, каждая из которых включает в себя многие государства и народности. Самюэль Филлипс Хантингтон определяет цивилизацию как культурную общность высокой степени, характеризующуюся наличием объективных элементов, объединяющих людей в

единую группу с общими чётко выраженными социокультурными особенностями [12]. Теоретик выделяет следующие цивилизации: западная, латиноамериканская, японская, синская, исламская, православная, африканская, буддийская, индуистская. Важнейшими условиями, объединяющими порядка пяти тысяч народов мира в девять цивилизаций, являются языковая, культурная и религиозная общность, а также сходство традиций. Ещё в первой половине XX века западный теоретик Джордж Мербек предложил характеризовать цивилизацию в рамках семидесяти ценностных универсалий, неповторимая совокупность которых и демонстрирует отличие одних цивилизаций от других, отражает специфику каждой из них. Перечисленные выше цивилизации отличаются друг от друга системой взглядов, оценок, образных представлений индивида о мироустройстве и об общественных отношениях – мировоззрением. Именно наличие в том или ином обществе своей собственной, уникальной системы мировоззрения, и определяет его так называемый культурно-цивилизационный код, являющийся важнейшей составляющей любой цивилизации.

Каждая цивилизация самодостаточна и неповторима, каждая цивилизация характеризуется наличием исключительного цивилизационного кода. Содержание цивилизационного кода можно представить как некий неизменный, воспроизводимый в преемственности поколений глубинный набор морально-этических, социокультурных и политэкономических идеалов, составляющих фундамент общества. Следование данным идеалам является основой жизнедеятельности и развития цивилизации. Несоответствие принципам цивилизационного кода ведёт общество к упадку, следствием чего становится смута – процесс цивилизационного очищения общества от неприемлемых для него устоев и возвращения к истокам, изначально выстроенным и закрепившимся в сознании общества принципам развития.

Изучая исторический опыт русской государственности, представляется возможным обнаружить, что предпринимались неоднократные попытки изменить Россию, встроить её в европейское общество или же сделать из неё Америку. Однако, все действия подобного характера приводили к несоответствию русскому цивилизационному коду и дальнейшему провалу. Россия всегда возвращалась к своему самобытному пути развития. Американский экономист Джеффри Дэвид Сакс, принимавший непосредственное участие в проведении рыночных реформ девяностых годов, следующим образом выражался о России постсоветского периода: «Мы положили больного (Россию) на операционный стол, вскрыли ему грудную

клетку, а у него оказалась другая анатомия» [цит. по 5]. Таким образом, перенятые западные ценности либерализма и постмодернизма, включающие в себя частную собственность на средства производства, свободу рынка и минимизацию роли государства в общественно-экономических процессах, идеи индивидуализма, права и свободы человека в западной интерпретации, включая принцип терпимости и толерантности, привели Россию к последствиям катастрофического характера. Примерами того могут служить следующие явления в России постсоветского периода: вымирание населения, демонтаж производственных мощностей, невероятный разрыв между богатыми и бедными и многие другие негативные последствия. Исходя из этого, можно предположить, что наборы ценностей, составляющие цивилизационные коды западной и православной цивилизаций, по Хантингтону, имеют серьёзные отличия, а перенятые принципы развития иной цивилизации, чуждые ценности ведут к социально-экономическому, нравственному упадку всего общества.

Культурно-цивилизационные различия западного и русского миров могут быть отражены через исследование общественного восприятия и отношения к таким универсальным ценностно-мировоззренческим категориям как «справедливость», «благодарность» и «вина» в рамках каждой отдельно взятой цивилизации.

Следует заметить, что проблема поиска ответа на вопрос о справедливости является уже устоявшейся и классической в политической философии. Многими мыслителями всех времен вопрос построения эгалитарного общества на справедливых началах ставился в разряд центральных [1, 4]. Данная проблема не потеряла своей актуальности и в настоящее время.

Термин «справедливость» был и остаётся краеугольным камнем многих идеологий и религий. На протяжении всей человеческой истории, пожалуй, не было социальных потрясений, войн или революций, где не фигурировало бы данное слово.

Важнейшим замечанием является тот факт, что в зависимости от исторического периода термин «справедливость» в западной философской и политической мысли приобретал принципиально отличные друг от друга содержания. Так, до эпохи Возрождения данный термин воспринимался обществом исключительно с морально-этической и теологической точки зрения. В дальнейшем, с развитием западной философии, изменялось и содержание термина «справедливость», которое всё больше начинало приобретать правовые черты в ущерб морально-нравственной составляющей, которой в западной цивилизации в настоящее время практически не уделяется никакого внимания.

Изучая сущность термина «справедливость», необходимо погрузиться в истоки его понимания, начало которых берётся ещё в Античности и связано с греческими городами-государствами (полисами). Концепция справедливости в древнегреческом понимании подразумевала идею поиска всеобщего благосостояния и преодоления социально-политического неравенства.

Идея о законе как главном источнике справедливости возникла ещё во времена поздней Римской Республики и была выдвинута Цицероном. Именно концепция справедливости, по Цицерону, стала той центральной мыслью западной философии, которая, пройдя через теологическое мировосприятие Средневековья, вновь приобретёт актуальность спустя многие века в эпохи позднего Возрождения и Просвещения в XVII веке и в последующем займёт доминирующее место в восприятии западным обществом содержания термина «справедливость» [13].

На данном этапе важно сделать небольшое отступление от раскрытия содержания справедливости и рассмотреть такой период европейской истории как Реформация, которая не только оказала значительное влияние на концепцию справедливости, но и предопределила современные западные либеральные ценности. Именно возникновение в XVI-XVII веках религиозного движения, именуемого Реформацией, на базе идей которой зиждется протестантизм, ознаменовал появление нового типа общественно-экономических отношений – капитализма. Связанные с именами богословов Мартина Лютера и Жана Кальвина идеи реформирования христианской церкви глубоко проникли в умы широких масс общества и дали сильнейший импульс к экономическому развитию стран Европы. В основе духовных идей протестантизма лежали идеи честного профессионального труда, являющегося священным, идеи рациональной бережливости и приращения капитала, являющиеся богоугодной моральной добродетелью. Получение меньшей прибыли при возможности получить бóльшую объявлялось грехом. Положения протестантизма сакрализировали общественно полезную предпринимательскую и хозяйственную деятельность. Трудолюбие объявлялось высшей духовной ценностью. Леность же приобретала статус греха. Таким образом, важнейшей из причин научно-технического и экономического рывка западной цивилизации (первая промышленная революция и индустриализация XVIII-XIX веков, вторая промышленная революция XIX-XX веков) послужили не особые экономические условия, а сильнейший религиозный подъем народных масс, глубоко воспринявших духовную мораль протестантизма, задающуюся на экономических трудовых началах. Современные западные ценности индивидуализма, свободы предпринимательской

деятельности, частной собственности, рыночной экономики и многие другие имеют под собой духовно-религиозные истоки.

Возвращаясь непосредственно к концепции справедливости по западному образцу, следует заметить, что эпоха Возрождения послужила возвращению в общественный дискурс теорий античных мыслителей, их глубокому переосмыслению. Не исключением стало возрождение дискуссий касательно содержания термина «справедливость». Реформация, духовные идеи протестантизма оказали сильнейшее влияние на мыслителей, затрагивающих данную проблему. Одним из первых теоретиков, сформировавших обновлённую концепцию справедливости эпохи Возрождения, стал английский философ Томас Гоббс. Автор теории общественного договора, в XVII веке, взяв за основу идеи Цицерона, заменил источник справедливости с достижения общественного блага на право, закон. Описывая монархический строй, Томас Гоббс выражал идею о справедливом равенстве людей в своём бесправии перед монархом, который дарует своим подданным личные права, в первую очередь, право на жизнь.

Правовое содержание справедливости как верховенства закона, перед которым все равны, было необходимо для того, чтобы законодательно закрепить экономическую составляющую духовных идей протестантизма. В дальнейшем, правовая концепция справедливости только развивалась и укоренялась в умах широких масс западного населения. Джон Локк, по справедливости считающийся основоположником идей западного либерализма, говорил о справедливом равенстве всех людей в праве на свободу, помимо личной, включающую свободу на ведение экономической деятельности, а также на равенство в правовом урегулировании конфликтов [9, с. 27].

Иммануил Кант, развивая правовую концепцию справедливости, говорил о превосходстве закона над моралью. Человеческие поступки обязаны соответствовать законам, а не персональным целям отдельно взятого индивидуума. Именно в XVIII веке окончательно сформировалась и углубилась в общественном сознании западной цивилизации современное содержание ценности о справедливости как абсолютном господстве права, где каждый человек равен перед законом.

Довольно интересным фактом, подтверждающим вышесказанные суждения, является то, что в английском языке термин «справедливость» звучит как «*justice*» (*правосудие*) или «*equity*» (*капитал*), «*fairness*» (*честность*). Таким образом, можно предположить, что западной цивилизацией содержание данного понятия воспринимается исключительно как определённый нормативно-юридический акт,

следование которому и есть справедливость, независимо от того, как тот или иной закон выглядит с точки зрения морально-этических соображений. Духовное учение Жана Кальвина и Мартина Лютера проходит через вышеуказанные слова «красной нитью». Нарушил закон, но не был пойман – Богу так угодно. Для данного описания отлично подойдёт буквальная трактовка русского выражения «не пойман - не вор», отражающего в реалиях русского мира лишь несовершенство самого института преследования и наказания. В том случае, если преступник был пойман, значит, что-то он сделал неправильно, и был наказан Богом. Исключительно в момент наказания человек западного общества начинает каяться в своём преступлении [11, с. 85].

Показательным примером, отражающим именно такое восприятие справедливости в западном мировоззрении, служат современные события, демонстрирующие попытки европейского и американского обществ переписать итоги Второй мировой войны, возложить вину на русский мир. Это связано в первую очередь с тем, что когда мы победили фашизм, ориентируясь на свои традиционные ценностные составляющие, не стали документально, юридически закреплять вечную вину западного мира, обязанность вечного покаяния в своих зверствах и не стали нормативно-правовым способом закреплять обязательства по возмещению неисчислимого ущерба, нанесённого западными «цивилизаторами» русскому миру [7, с. 15]. Данную черту русского менталитета могут отразить следующие выражения: «повинную голову меч не сечёт», «кто старое помянет – тому глаз вон».

Подобная ситуация произошла и в период, когда Михаил Сергеевич Горбачев договорился с Западом об условиях не расширения НАТО на Восток к границам современной России. Нормативно-правовыми актами данная договорённость не подтверждалась, а раз нет закона, нет документа, то, исходя из западных ценностей, нет и соглашения. С точки зрения русской логики, данные примеры являются чудовищными актами несправедливости.

Итак, мы подошли к русскому подходу в трактовке содержания термина «справедливость». Прежде всего, стоит заметить, что русское мировоззрение никогда не приравнивало вину и тем более справедливость к определённым нормативно-правовым институтам, но имеет аксиологический, то есть ценностный, характер. Так, в русском мире интуитивно понятно и закреплено в сознании общества, что можно быть виноватым и без вины [2]. Вор всегда остаётся вором, даже в том случае, если его не поймали. В то же время, справедливость в русском понимании совершенно не обязана представляться в виде юридической нормы. Чаще всего можно наблюдать диаметрально противоположную картину восприятия – отдельные

законы или же нормативно-правовые акты могут прямо противостоять принципам справедливости в русском понимании.

Можно говорить о том, что справедливость закрепляет оптимальный для морально-нравственного человеческого сознания негласный порядок социально-культурных условий в обществе. Справедливость можно рассматривать как меру правильного с точки зрения общества распределения тягот, и получаемых вследствие труда благ.

Корневая основа термина «справедливость» образуется от слова «правда». Тем самым, можно предположить, что в данный термин включается содержание, выраженное в словах «истинный» или же «правильный». Таким образом, определение содержания справедливости в понимании русской культуры следует искать именно в её корневой основе.

Советский мыслитель-философ Вадим Алексеевич Печенёв отмечает, что чувство справедливости соразмерно поиску истины и правдоискательству, феномен которого стал национальным, традиционным для русской культуры: «В русском языке, собственно говоря, «справедливость» как слово, как понятие сливается в одно целое с великим, ёмким словом «правда», дополняет его. Жить по правде, действовать в соответствии с истиной в народном обиходе всегда означало жить по законам справедливости» [10, с. 64].

Вероятно и то, что традиционно сильные позиции православной церкви в становлении и поддержании морально-нравственных ценностей и всего мировоззрения русского мира не дали свести содержание справедливости к исключительно нормативно-правовому смыслу, как это произошло во время религиозного раскола в Европе периода Реформации, сохранив его в целом в морально-этических рамках. Жить справедливо - значит жить в ладах с законами Мироздания, жить по правде, по совести.

В русской культуре существует следующее выражение «как судить – по суду или по совести». Стоит отметить, что суд имеет под собой общественно-процессуальный характер, выраженный в правовых нормах. В то же время, понятие «совесть», имеющее под собой индивидуальное начало, становится верным спутником справедливости для каждого отдельно взятого человека. В западной культуре данному содержанию не уделяется должного внимания, от чего и формируется представление о справедливости как нормативно-правовом общественном явлении, а «суд по суду» представляется единственно верным вариантом. В глазах западного обывателя, если поступил не по закону, и не был подвержен наказанию, значит,

сделал всё верно. В православной же культуре, совесть, являясь индивидуальной категорией, характеризуется чувством стыда. Если вдруг торжествует несправедливость, человека начинает мучить совесть. Если виновен и не наказан, то человека одолевает чувство стыда, его совесть напоминает ему, что он виновен и поступил не по справедливости. Отсюда и укоренилось в общественном сознании выражение «угрызение совести».

В заключение, касательно изучения восприятия категории справедливости в русской культуре, хотелось бы привести слова советского философа Мераба Константиновича Мамардашвили: «не случилось права, а случилась справедливость как интуитивное ощущение, всех объединяющее, которому нужно доверять больше, чем формализованному институту права» [6, с. 164].

Подводя общий итог по проблеме культурно-цивилизационных различий западного и русского миров, необходимо повторить, что культурные и морально-нравственные ценности каждой цивилизации имеют глубокие корни, уходящие далеко в историю. Такие ценности, характеризующие общее мировосприятие отдельного взятого человека и общества в целом, укреплялись и углублялись в народном сознании на протяжении веков. Такое принципиальное различие в восприятии содержания справедливости в западной и русской морально-ценностной системах обуславливается общественно-политическими условиями в различные периоды истории, способствовавшими переосмыслению культурных ценностей в рамках всей цивилизации. Так, для западной цивилизации, основным событием, ставшим отправной точкой в становлении настоящей культурно-ценностной системы мировоззрения является религиозная Реформация. В то же время, культурно-цивилизационный код русского общества на протяжении веков кристаллизовался традиционными ценностями превосходства общественных интересов над интересами личными, взаимовыручки, самоотверженности и неприхотливости, прощения, соборности как духовного единения людей в мирской и церковной жизни, а также ценностями морально-этической справедливости.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. Моск. обществ. науч. фонд. М.: 2001. 241 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М.: Алгоритм, 2014. С. 58-74.
4. Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. М.: 2004, № 2. С. 29-43.
5. Котельников П. Слово и дело [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://proza.ru/2013/08/03/492>. Дата обращения 22.09.2020.

6. Мамардашвили М. К. Опыт физической метафизики /М. К. Мамардашвили. М. : Прогресс- Традиция, 2009. 304 с.
7. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. М.:1995, № 1. С. 3-30.
8. Пассмор Д. Культурные универсалии // Философские науки. М.: 1990, № 11. С. 110-113.
9. Петрухина М.А. Портрет США в социокультурном измерении – US Sociocultural Profile: учеб. пособие и практикум. М. : Дипломатическая академия : Квант Медиа, 2020. 134 с.
10. Печенев В. А. Истина и справедливость : (Размышления о нравств.-филос. аспектах пробл.). М.: Политиздат, 1989. 254 с.
11. Федотова В.Г. Этика и капитализм // Политический класс, М.: 2007, № 1. С. 80-91.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
13. Шпэнглер О. Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. С. 103-152.
14. Macintyre Alasdair. Whose Justice? Which Rationality? L.: Duckworth, 1988.
15. Rawls John. A theory of Justice. Cambridge, Mass.: Oxford University Press, 1971. 560 p.

УДК 323.17: 811

Проблемы этнокультурного национализма в Королевстве Испания

Цапина Елена Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков
Дипломатической академии МИД РФ, Россия, Москва
DAConfa@mail.ru

Issues of ethno-cultural nationalism in the Kingdom of Spain

Tsapina Elena Alexeevna

Ph.D. in Philology Associate Professor of the Department of Romanesque Languages
Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry, Russia, Moscow

Аннотация. Современное Королевство Испания является глубоко этнодифференцированным государством, объединяющим внутри себя множество этнокультурных групп, составляющих немалую часть населения королевства. Во внутривластной повестке Испании исторически всегда стоял вопрос расширения прав этнокультурных меньшинств, что нередко находило своё отражение в росте сепаратистских и националистических настроений, а также в обострении противоречий между центром и местной властью, выливавшихся в региональные конфликты. Данные противоречия приводят к глубокой дестабилизации внутривластной ситуации в Королевстве Испания и представляют непосредственную угрозу территориально-административной целостности всего испанского государства.

Ключевые слова: испанский национализм, каталонский национализм, баскский национализм, этнокультурные меньшинства, региональный конфликт

Abstract. The modern Kingdom of Spain is a deeply ethno-differentiated state that unites many ethno-cultural groups that make up a significant part of the Kingdom's population. The issue of expanding the rights of ethnic and cultural minorities has always been on the domestic political agenda in Spain, which is often reflected in the growth of separatist and nationalist sentiments, as well as the aggravation of contradictions between the centre and local authorities, which resulted in regional conflicts. These contradictions lead to a deep destabilization of the internal political stability in the Kingdom of Spain and pose a direct threat to the territorial and administrative integrity of the entire Spanish state.

Keywords: Spanish nationalism, Catalan nationalism, Basque nationalism, ethnic and cultural minorities, regional conflict

Исторически сложившиеся интеграционные процессы на Пиренейском полуострове за более чем пять веков привели к объединению большинства народов региона в одно полиэтничное административное целое, в настоящее время носящее название Королевство Испания.

Государствообразующим народом Королевства Испания являются испанцы (около 38 млн. человек), составляющие большую часть населения страны (чуть менее 80%), проводившие политику интеграции на территории Пиренейского полуострова ещё с конца XV века. Именно объединение Кастильского и Арагонского королевств в 1479 году послужило стартом процесса включения к тому моменту независимых королевств региона в состав испанского государства.

В настоящее время под крылом испанской короны находятся такие коренные этнические меньшинства как каталонцы, баски, галисийцы, астурийцы, арагонцы, окситанцы. Многие из вышеперечисленных народностей исторически обладали политической самостоятельностью и составляли отдельные независимые королевства Пиренейского полуострова.

Этнические меньшинства Королевства Испания составляют в общей сложности более 20% населения. Наиболее крупным по численности этническим меньшинством считаются каталонцы, составляющие 7,5 миллионов человек, или чуть более 15% населения всей страны [2].

На территории Испании можно услышать каталанский, галисийский, баскский, окситанский, арагонский и астурийский, валенский (диалект каталанского) языки, некоторые из которых в большинстве своём даже не пересекаются с государственным испанским языком. Глубокие различия имеются и в традициях каждого народа.

Указав на наличие языкового и культурного разнообразия внутри испанского

общества, на многочисленность населения, составляющих меньшинства, а также на их историческую политическую самостоятельность, следует также отметить тот факт, что административное деление современного Королевства Испания подразумевает широкие права политической автономии для областей, на территории которых проживают крупные этнические меньшинства: Страна Басков, Каталония, Галисия, Валенсия, Наварра, Андалусия, а также Канарские Острова. Данная политика, с учётом всего вышесказанного, несёт с собой риски возможного роста национального самосознания меньшинств, усиления националистических настроений на территории этнических областей, а также смены политического курса региональных властей в сторону сепаратизма. Усугубление вышеуказанных рисков создаёт почву для обострения региональных конфликтов, уже имеющих место на территории государства, с которыми центральная власть пока что справляется, замораживая нарастающие противоречия.

Для более полного понимания современных процессов роста центробежных сил в Королевстве Испания имеет смысл подробно рассмотреть наиболее беспокойные регионы страны, а также движущие силы данного явления как на региональном, так и на общегосударственном уровнях.

Одним из самых центробежно настроенных регионов Королевства Испания с глубоко укоренившейся в сознании местных жителей идеей национального самосознания по праву является так называемый регион каталанских земель. К данному региону Восточных Пиренеев относятся такие автономные сообщества и провинции испанского государства как Каталония, Балеарские острова, Валенсия, Франжа (часть Арагона). Феномен восточнопиренейского сепаратизма получил название Каталонизм. Более того, данное явление распространяется и на другие государства, например, Францию, в южной части которой также проживают этнические каталонцы.

Истоки каталонского сепаратизма фундаментальны и глубоки. Приобретая своё начало ещё в начале XVIII века, данный феномен прошёл сквозь века и обострился в настоящее время до феноменальных масштабов. Например, не так давно, в 2009 году началась новая волна политической борьбы местных властей Каталонии в лице регионального парламента за независимость автономного сообщества. Всеобщий восторг и, одновременно, страх вызвали результаты проведённого местным муниципалитетом в составе автономного сообщества Каталония народного референдума, где подавляющее большинство (96%) населения проголосовали за отделение от Королевства Испания, создание независимого

правового государства. За несколько лет до этого события наблюдался резкий рост националистических настроений в республике Каталония, создавались общественные организации, прямо заявляющие о своих намерениях добиться выхода из состава Испании. За созданием подобных организаций, прямо поддерживаемых местной властью, последовал ряд крупных манифестаций с националистическими лозунгами. Одни из таких лозунгов звучали «Мы – отдельная нация и имеем право сами принимать решения» или «Мы хотим собственное государство». Последовавшая за местным референдумом 2009 года волна народных голосований в других муниципалитетах Каталонии отчетливо продемонстрировала желание местного населения отделиться от центра, а властные институты автономного сообщества, ранее занимавшие сторону Мадрида, были вынуждены пересмотреть свою политику [10].

Наиболее широкий общественный резонанс и всемирную огласку борьба за независимость Каталонии получила в 2017 году, когда парламент автономного сообщества, отказавшись от промадридского политического курса, пошёл навстречу требованиям местных жителей и провёл референдум о независимости региона. Из почти что 2,3 миллионов избирателей более 2 миллионов высказалось «за». Руководствуясь общественно-политическим лозунгом «Мадрид нас грабит», каталонцы сделали свой выбор. С этого момента возникает глубокий антагонизм между Барселоной и Мадридом. Непризнание Конституционным судом Королевства Испания законности референдума ещё больше усугубляет конфликт. Итогом же каталонского бунта 2017 года стал принудительный роспуск институтов законодательной и исполнительной власти Каталонии через применение Мадридом особой 155-й статьи конституции, позволяющей подчинить регионы Испании полному непосредственному контролю центра. В то же время, досрочные парламентские выборы в регионе кардинально не изменили ситуацию, так как большинство мест в законодательном институте всё также досталось сторонникам независимости. В результате конфликт был принудительно заморожен со стороны Мадрида на неопределённое время и ожидает лишь новой искры, чтобы разгореться с новой силой.

Начиная с сугубо экономических и заканчивая глубоко фундаментальными этнокультурными причинами, оснований для вышеописанного явления существует довольно много.

Население Каталонии составляет 16%, или около 7,5 миллионов человек, от общего населения всей страны – довольно большая цифра, которая также может быть

отнесена к причинам каталонского национального самосознания. Регион производит порядка четверти валового внутреннего продукта (ВВП) Королевства Испания, или же более 200 миллиардов евро, что сравнимо по своему общему с административным округом Мадрид или экономиками таких государств, как Португалия или Чехия. Более того, этот показатель неуклонно растет. Более того, ВВП на душу населения также является одним из наиболее высоких в стране и составляет более 27 тысяч евро на человека. По данному показателю регион обгоняют лишь сам Мадрид и Наварра. Серьёзным экономическим поводом для обострения каталонского конфликта является и крупный дисбаланс бюджетно-финансовых отношений между Мадридом и Барселоной. Так, по последним данным, объём всех финансовых сборов на территории автономного сообщества, уходящих в дальнейшем в центр, превышает размер государственных средств, поступающих в регион, более чем на 16 миллиардов евро ежегодно, что составляет почти 10 % ВВП Каталонии [8].

Более фундаментальной и глубинной причиной является этнокультурное различие между народами центра и автономного сообщества Каталония. В отличие от испанского языка, относящегося к иберо-романской подгруппе, каталанский язык включён в окситано-романскую подгруппу, широко распространённую на юге Франции [2]. Таким образом, различия между каталанским и кастильским языками более чем существенны, а сам каталанский язык по своему происхождению куда ближе к языкам юга Франции, нежели к языкам Пиренейского полуострова. Начиная с конца XX века, наблюдается резкий рост интереса к национальному языку каталонцев. Лингвистические различия испанского и каталанского языков формируют в сознании каталонцев представление о самобытности и самостоятельности всей этнической группы [7, с. 78]. Официальный региональный статус языка, его литературная, научная и даже цифровая самостоятельность, а также достаточно широкая (по меркам “малых языков”) географическая и количественная, по числу носителей, распространённость только углубляют убеждения каталонцев в своей национальной идентичности, фундаментальную базу которой составляет каталанский язык [4].

Другим ярким примером проявления этнокультурного национализма в Королевстве Испания является народ басков, проживающий на севере Пиренейского полуострова. Коренными территориями басков считаются север Испании и юго-запад Франции. В самой же Испании баски проживают в территориально-административных единицах Наварра и Страна Басков общей численностью более 2,5 миллионов человек. Говоря о баскском национализме, стоит заметить, что глубинные

и поверхностные причины данного феномена схожи с явлением каталонского национализма, однако по своему масштабу сепаратизм в баскской этнокультурной среде уступает каталонскому. На это существует свой ряд причин.

В первую очередь, важно отметить, что по своей численности баскская этнокультурная единица (2,5 млн. человек) значительно уступает каталонской (более 11 миллионов), что имеет своё непосредственное отражение в политическом весе регионов Страны Басков и Наварры. В то время как протесты в Барселоне представляют непосредственную угрозу единству всего испанского государства и могут стать локомотивом дальнейшей цепной реакции распада всего государства на независимые, разделённые по этнокультурному признаку самостоятельные страны, баски не могут похвастаться таким серьезным влиянием на политические процессы, протекающие в Испании. Таким образом, националистическая политика Страны Басков и Наварры проводится по большей степени в фарватере борьбы Барселоны за свою независимость. Однако, конечно же, необходимо упомянуть основные аргументы басков в проведении своей националистической политики [6].

В первую очередь, баскский язык представляет из себя самостоятельную единицу, как и каталанский язык, имеющую мало общего с кастильским диалектом. Баскский язык не относится к индоевропейской семье языков и, по большей степени, считается относительно изолированным, не пересекающимся ни с одним другим языком мира. Количество носителей баскского языка приближается к миллиону человек. С момента демонтажа режима Франсиско Франко практически полностью запрещённый баскский язык переживает период возрождения и роста интереса к его изучению.

Важным фундаментом баскского национализма является экономическая развитость регионов Страны Басков и Наварры. Так, процент безработицы в Наварре на протяжении многих десятилетий остаётся наименьшим в Испании. Более того, объём ВВП на душу населения является наибольшим во всём королевстве.

Можно отметить и тот факт, что исторически, так же как и Каталония, Наварра являлась независимым королевством вплоть до конца XV века, однако в итоге была разделена между Францией и Испанией. Таким образом, баскский этнос и по сей день остаётся разъединённым, проживающим в двух отдельных государствах [5].

Непосредственно в политическом аспекте баскского национализма можно отметить, что довольно долгое время в регионе Страна Басков одерживает верх Баскская националистическая партия (БНП), чья главная цель заключается в создании суверенного независимого государства и объединение всех баскских земель

на территории Испании (Страна Басков и Наварра), а также Франции (департамент Атлантических Пиренеев). Периодически звучат призывы о проведении референдума по каталонскому примеру.

Продолжая разговор об испанском национализме, можно также отметить и такие регионы, как Галисия и Валенсия, в которых также наблюдаются сепаратистские настроения [3, с. 136]. В то же время глубоко рассматривать галисийский или валенсийский национализм как фундаментальное, представляющее самостоятельную угрозу государственному единству явление не представляется возможным. Этому способствуют отдельные причины. Одной из основных причин несостоятельности данных феноменов является тот факт, что ни галисийские, ни валенсийские сепаратисты не обладают каким-либо серьёзным политическим весом не только в испанской политической повестке, но и в региональной. Националистические силы не возглавляют и региональные парламенты, занимая лишь 4 из 75 мест в Галисии и 9 из 99 мест в Валенсии. Более того, сепаратизм в рамках данных регионов можно рассматривать как одну из составляющих частей движения за объединение всех каталаноязычных регионов под крылом автономного сообщества Каталония, в которые включены и Валенсия с Галисией [9].

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что этнокультурный национализм в Королевстве Испания как самостоятельное явление представляет прямую угрозу единству всему государству. Катализатором испанского сепаратизма остаётся борьба за свою независимость автономного сообщества Каталония, чей политический вес в общегосударственной внутривнутриполитической повестке является подавляющим по причине численных масштабов данного движения, а также экономическим весом регионов, требующих большей автономии.

В то же время важной особенностью этнокультурного национализма в Испании является наличие многих этнокультурных групп, также проявляющих желание проводить независимую политику, однако, не обладающих достаточными средствами для выдвижения требований к центру. Это способствует встраиванию борьбы этих регионов за независимость в фарватер националистической политики Каталонии. Это явление проявляет свой негативный эффект в момент обострения противоречий между Мадридом и Барселоной. Так, в период проведения референдума о независимости Каталонии региональным парламентом во внутривнутриполитическую повестку дня Испании остро встал вопрос о независимости других испанских регионов (Валенсия, Галисия, Наварра, Страна Басков), последовавших примеру каталонцев и выдвинувших новые националистически направленные требования к

Мадриду [11].

Таким образом, можно заметить, что внутривосточная ситуация в Испании является крайне нестабильной, а за любым удовлетворением Мадридом требований региональных властей по расширению автономии крайне велика вероятность цепной реакции.

Список литературы

1. Васильева-Шведе О. К. О месте каталанского среди романских языков // Ученые записки ЛГУ. Вып. 59. Сер. филол. наук. 1961. № 299. С. 58-74.
2. Кожановский А.Н. Государственная идентификация по-испански // В сборнике: Испания: анфас и профиль. М.: Издательство «Весь мир», 2007. С. 195-212.
3. Коренева Е.В., Крюкова О.С. Современный социолингвистический статус валенсийского языка (диалекта) // Человек: образ и сущность. 2018. № 1-2 (32-33). С. 134-143.
4. Ламина К. В. Каталанский язык в современной Испании // в кн. Iberica. Культура народов Пиренейского полуострова в XX в., Л.: «Наука» (ленинградское отделение), 1989. С. 171-178.
5. Хенкин С.М., Самсонкина Е. С. Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы: монография. М.: МГИМО (У) МИД России, 2011. 380 с.
6. Хенкин С.М. Баскский конфликт вчера и сегодня. М.: Вестник МГИМО. 2011. 88 с.
7. Цапина Е.А. Языковой фактор формирования национального самосознания в Испании (на примере региона Каталония) // Филологический аспект. 2020. № 3 (59). С. 76-81.
8. Balcells, Albert. Catalan Nationalism: Past and Present. New York, издательство St. Martin's Press, Inc., 1996.
9. Badia i Margarit, Antoni M. (1981). El català, entre galloromània i iberoromània. Llengua i cultura als Països Catalans. 8ed. Barcelona: Ed. 62, pp. 30–40.
10. Cabello, Raimon. El Català a l'abast de tothom. Barcelona: Miquel A. Salvatella, 1992.
11. Conversi, Daniele. Language or race?: the choice of core values in the development of Catalan and Basque nationalisms. Ethnic and Racial Studies 13. 1990 : 50-70.

УДК 304.42

О движении BLACK LIVES MATTER и восстановлении «лингвистической справедливости»

Шевченко Анастасия Петровна

Преподаватель кафедры английского языка
факультета международных отношений и международного права
Дипломатическая академия МИД РФ, РФ, г.Москва
DAConfa@mail.ru

On BLACK LIVES MATTER and the restoration of linguistic justice

Shevchenko Anastasiya Petrovna

Lecturer of the English chair, Department of International Relations and International Law
Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry, Russia, Moscow

Аннотация. Сторонники движения Black Lives Matter выступают против полицейского насилия и проявлений системного расизма в обществе, культуре и языке. Добиваясь запрета слов и терминов, которые имеют расистскую этимологию и закрепленный стереотипами подтекст, активисты BLM стремятся к «деколонизации» английского языка и восстановления «лингвистической справедливости».

Ключевые слова: Жизни чернокожих имеют значение; черный; белый; системный расизм; деколонизация; «лингвистическая справедливость»

Abstract. Black Lives Matter activists protest against police violence and systemic racism in society, culture and language. Their demands to abolish words and phrases that have racist etymology and prejudice-backed sub meaning contribute to the decolonization of English and the restoration of linguistic justice.

Key words: Black Lives Matter; black; white; systemic racism; decolonization; linguistic justice

Невзирая на тот факт, что очередные президентские выборы являются для Соединенных Штатов Америки главной темой политической повестки 2020 года, в стране разворачиваются иные события, вызывающие широкий общественный резонанс. Предметом данного исследования является движение *Black Lives Matter (BLM)* 'Жизни чернокожих имеют значение' и изменения, которым подвергается английский язык вследствие распространения основных идей *BLM* на глобальном уровне. Цель исследования – выявить влияние, которое данное протестное движение оказывает на развитие английского языка, использование определенных слов и понятий, ассоциируемых с цветами *black* 'черный' и *white* 'белый'.

В данной статье предпринята попытка проанализировать последствия достигшего пика в июне 2020 года очередного витка митингов *BLM* и обобщить явления, возникшие в языке в результате протестной деятельности активистов.

Исследование основывается на анализе материалов, опубликованных в

International New York Times, *Washington Post*, *Forbes* и подобных источниках информации.

Движение *Black Lives Matter* появилось в США в 2013 году на волне общественного возмущения, связанного с тем фактом, что оправдательный приговор получил полицейский, применивший излишнюю силу при задержании афроамериканского подростка, который вскоре скончался от полученных травм. После этих событий фраза *Black Lives Matter* быстро получила широкое международное распространение в сети Интернет. Тогда было положено начало митингам, акциям протестов и демонстрациям, возникающим в связи с участившимися убийствами и случаями применения насилия полицейскими при исполнении служебных обязанностей в отношении чернокожего населения Соединенных Штатов.

Последние гражданские беспорядки вспыхнули в США в июне 2020 года после того, как при задержании погиб еще один афроамериканец. По данным *International New York Times*, по всей стране в протестах, последовавших за случившимся, приняли участие порядка семи миллионов человек [3]. Подобные цифры говорят о том, что митинги лета 2020 года против полицейского насилия стали одними из наиболее масштабных в истории страны.

На протяжении нескольких месяцев средства массовой информации сообщали о протестах, охвативших США, акцентируя внимание на тех случаях, где активисты переходили от мирного волеизъявления к стачкам с полицией, погрому витрин и машин, а так же разграблению магазинов. В газетах закрепились практика обозначения подобных протестов сторонников *Black Lives Matter* словом *riot* 'мятеж, бунт, восстание', даже если действия *rioters* 'бунтующих' носят сугубо мирный характер. Но само по себе слово *riot* вызывает чувство страха и сулит погромы и разрушение.

Любопытно отметить, что в отношении белого населения в прессе почти никогда не используется слово *thugs* 'бандиты, гангстеры, гопники'. По мнению активистов *BLM*, силы, продвигающие идеологию господства белых, закрепили в национальной коллективной риторике это понятие и используют его для укрепления устоявшихся стереотипов о чернокожем населении США как убийцах и головорезах, необразованных и глупых.

Со временем движение *Black Lives Matter* приобрело совершенно определенную направленность – борьба с полицейским беспределом и проявлением «системного расизма». Понятие «системный расизм» или «институциональный

расизм» является достаточно новым явлением, но уже успело стать неотъемлемой частью дискурса. Один из самых авторитетных словарей английского языка *Merriam-Webster* внесет поправки в определение слова «расизм». Сейчас определение этого слова состоит из трех пунктов. Первое определение расизма в словаре звучит так: «Убеждение, в соответствии с которым раса является первичным детерминантом человеческих черт и способностей, а расовые различия порождают врожденное превосходство той или иной расы». Кроме того, расизм определяется в словаре как «доктрина или политическая программа, основанная на принятии расизма и предназначенная для осуществления его принципов», а также как «политическая или социальная система, основанная на расизме» [5]. Решение внести изменения было принято после того, как в редакцию словаря поступила жалоба о том, что определение не соответствует реалиям наших дней и необходимо внести уточнение, согласно которому расизм проявляется в систематической эксплуатации одной группы людей с целью извлечения экономической, социальной и политической выгоды другой группой людей.

Главный редактор словаря Питер Соколовски принес извинения за то, что это уточнение не было сделано раньше и могло причинить кому-либо страдания. Питер Соколовски отмечает, что их издание часто сталкивается с тем, что запросы на пересмотр какого-либо определения чаще всего совпадают с общественным дискурсом и активисты, проявляя инициативу, не просто вносят изменения в словарь, а меняют сам язык [4].

Сегодня для сторонников движения *Black Lives Matter* язык – одно из важнейших средств борьбы с расизмом, неравенством и *white supremacy* ‘превосходством белых’. В массовой культуре закрепилось представление о том, что все, что относится к чернокожим – их язык, культура, образ жизни – заведомо хуже и ниже по уровню, значительно уступает «белой» культуре. Языковые средства, способствующие закреплению расовых стереотипов и негативных ассоциаций, стали для нас обыденностью и не расцениваются как проявление расизма [].

На волне массовых протестов, активисты *Black Lives Matter* начали вести борьбу с «закодированными» словами, содержащими дискриминационный и расистский подтекст. Одной из наиболее шумевших историй стал отказ программистов от понятий *master* ‘господин’ и *slave* ‘раб’, широко использующихся при написании программ, когда необходимо обозначить, что один код подчиняется другому. Эти термины уже не первый раз оказываются в фокусе публичного обсуждения, но, кажется, в этот раз будет положен конец их использованию. В

качестве альтернативы предлагают использовать более нейтральные по смыслу *leader* 'лидер' и *follower* 'последователь' или *parent* 'родитель' и *child* 'ребенок' [9].

Но это не единственные понятия из сферы ИТ 'информационных технологий', которые претерпели изменения. Под шквал критики попали понятия *blacklist* 'черный список' – к примеру, список сайтов, доступ к которым запрещен службой информационной безопасности компании, и *whitelist* 'белый список', то есть список «безопасных» сайтов. Вместо них теперь используют *blocklist* 'список блокировки' и *allowlist* 'список разрешенного к доступу' [7].

Если языковая сфера ИТ подверглась масштабным изменениям своих основополагающих понятий, то менее замеченными остались изменения в сфере недвижимости. Ассоциация риэлторов города Хьюстон первой отказалась от названий *master bedroom* 'хозяйская спальня' и *master bathroom* 'хозяйская ванная комната' в пользу *primary bedroom* 'главная спальня' и *primary bathroom* 'главная ванная комната'. По мнению членов ассоциации, изменения необходимо внести, так как понятия являются политически некорректными, несут в себе скрытый расистский подтекст и ссылку на жизненный уклад колониальных времен [6].

Скрытый подтекст иногда обнаруживается в самых неожиданных сферах. К примеру, в разгар протестов *BLM* ведущий одного австралийского радиоканала заявил, что шахматы – самый расистский вид спорта, так как белые фигуры всегда ходят первыми, а это, в свою очередь, является демонстрацией привилегированного положения белых относительно черных [10].

Активисты *Black Lives Matter* призывают к «деколонизации» языка, а вместе с ним и образа мышления. Этот призыв поддерживает *National Council of Teachers of English* 'Национальный совет преподавателей английского языка' призывая отказаться от расовой дискриминации чернокожих и белого превосходства в языке. В июле 2020 года членами ассоциации был опубликован манифест *This Ain't Another Statement! This is a DEMAND for Black Linguistic Justice!* 'Это не очередное заявление! Это ТРЕБОВАНИЕ восстановить лингвистическую справедливость в отношении чернокожих!' [8]. В этом манифесте изложено требование признать язык афроамериканцев не просто диалектом американского английского языка, но самостоятельным, полноправным языком. Манифестанты полагают, что это единственный способ восстановить «лингвистическую справедливость».

Согласно манифесту, учителя должны перестать вынуждать темнокожих учеников «переключать код», то есть переходить на стандартный английский, ведь это подавляет проявление их индивидуальности и культурной идентичности.

Необходимо подчеркнуть, что авторы манифеста не учитывают тот факт, что и большинство белых учащихся из социально незащищенных групп общества оказываются точно в таких же условиях в школах, но никто не говорит о том, что школьная среда подавляет их идентичность.

Стоит отметить, что положения этого манифеста имеют довольно радикальный характер. И в этой связи можно говорить о проявлении *reverse discrimination* 'обратной дискриминации', когда со стороны афроамериканцев проводится политика расовой идентичности, направленная на полное отчуждение белых сограждан от своей культуры, языка и образа жизни.

В современном мире подобные процессы, зачастую, скрываются под обвинениями в культурной апроприации. «Культурная апроприация – это социологическая концепция, которая появилась в научной среде в 80-х годах прошлого века – благодаря постколониальным дискуссиям об экспансии Запада. По мнению социологов, когда члены одной культуры используют элементы другой, это можно рассматривать как неправомерное присвоение. Проще говоря, нарядиться в сари или устроить тематическую «мексиканскую» вечеринку, не будучи индианкой или мексиканцем, – это культурная апроприация» [2].

В современном обществе глобализации и главенства информации существует запрос на преодоление предубеждений и стереотипов относительно кого бы то ни было. Поэтому сотни тысяч людей по всему миру откликнулись на слоган *Black Lives Matter* и выступили в поддержку его активистов. Но в яростной борьбе против полицейского насилия, неравенства и дискриминации, многие сторонники движения свернули с пути праведной борьбы в сторону демонизации белых. Подобная риторика едва ли поможет консолидировать общество, и без того находящееся на пике раскола в преддверии президентских выборов в ноябре 2020 года.

Список литературы

1. Гришина Л.В. Определенный артикль и вопросы расовой толерантности // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Дипломатическая академия МИД РФ: Квант-Медиа. Москва, 2020.
2. Что такое культурная апроприация. URL: <https://theblueprint.ru/culture/trends/kulturnaya-apropriatsia> (дата обращения: 22.08.2020)
3. Black Lives Matter May Be the Largest Movement in U.S. History. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/03/us/george-floyd-protests-crowd-size.html> (дата обращения: 22.08.2020)
4. Merriam-Webster Revises 'Racism' Entry After Missouri Woman Asks for Changes. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/10/us/merriam-webster-racism-definition.html> (дата обращения: 22.08.2020)
5. Racism | Definition of Racism by Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam->

- webster.com/dictionary/racism (дата обращения: 28.08.2020)
6. The Biggest Bedroom Is No Longer a 'Master'. URL: <https://www.nytimes.com/2020/08/05/realestate/master-bedroom-change.html> (дата обращения: 22.08.2020)
 7. There's an industry that talks daily about 'masters' and 'slaves.' It needs to stop. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/06/12/tech-industry-has-an-ugly-master-slave-problem/> (дата обращения: 27.08.2020)
 8. This Ain't Another Statement! This is a DEMAND for Black Linguistic Justice! URL: <https://cccc.ncte.org/cccc/demand-for-black-linguistic-justice> (дата обращения: 28.08.2020)
 9. Twitter And JPMorgan Chase Are The Latest Companies To Remove Terms 'Master' And 'Slave' From Programming Code. URL: <https://www.forbes.com/sites/elanagross/2020/07/03/twitter-and-jpmorgan-chase-are-the-latest-companies-to-remove-terms-master-and-slave-from-programming-code/#15062b4a3ced> (дата обращения: 20.08.2020)
 10. Why does white always go first in chess? URL: <https://theconversation.com/why-does-white-always-go-first-in-chess-141962> (дата обращения: 20.08.2020)

**Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Серия
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

№ 01 (01), 2020

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.12.2020
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 3. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru